УДК 355.14(091)(47)
ББК 68.54
Н19

Проект создан при поддержке Фонда «История Отечества».

В оформлении переплета используются иллюстрации *А. А. Тронь*

В издании использованы материалы, предоставленные Абрамовым Ю.Ш. (Санкт-Петербург), Архитектурным бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург), Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), Галереей К (Санкт-Петербург), Государственной Третьяковской галереей (Москва), Государственным историческим музеем (Москва), Государственным музеем городской скульптуры (Санкт-Петербург), Государственным Русским музеем (Санкт-Петербург), Государственным Эрмитажем (Санкт-Петербург), Калужским музеем изобразительных искусств (Калуга), Костромским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником (Кострома), Московским музеем-усадьбой Останкино (Москва), Музеем истории Кронштадта (Санкт-Петербург), Новгородским государственным объединенным музеем-заповедником (Великий Новгород), Российским государственным архивом Военно-морского флота (Санкт-Петербург), Российским этнографическим музеем (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургским государственным музеем театрального и музыкального искусства (Санкт-Петербург), Центром подводных исследований Русского географического общества (Санкт-Петербург), Центральным военно-морским музеем им. императора Петра Великого (Санкт-Петербург)

Назаренко, Кирилл Борисович.

Н19 Русский морской костюм от Петра Великого до Елизаветы Петровны / Кирилл Назаренко. — Москва : Яуза, 2022. — 320 с. — (TOTALBOOK. Тотальная иллюстрированная энциклопедия).

ISBN 978-5-87849-247-8

ОТЛИЧНЫЙ ПОДАРОК ДЛЯ ВСЕХ ЛЮБИТЕЛЕЙ УНИФОРМОЛОГИИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ!

Эта богато иллюстрированная книга — наиболее подробное исследование, посвященное морскому костюму: от создания Петром Великим русского флота до Семилетней войны и введения мундирного регламента при Екатерине II. Доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ Кирилл Назаренко на основе огромного массива архивных документов подробно реконструирует все предметы обмундирования и одежду всех категорий чинов морского ведомства: офицеров, матросов, работных людей, каторжников, гребцов, придворных матросов и гардемаринов.

Матросская форма в России появилась еще при Петре I, а Российская империя оказалась первой среди всех держав Европы регламентировавшей форму военно-морского флота. В 1735 г. при императрице Анне Иоанновне впервые в мире был введен форменный костюм для морских офицеров, имевший все признаки современной униформы: он был единообразен и позволял различать чины его носителей. При этом даже во «владычице морей» Великобритании форма офицеров Королевского флота была регламентирована в середине XVIII в., а матросов и унтер-офицеров лишь в XIX столетии.

Книга иллюстрирована репродукциями картин, гравюр, рисунков, фотографиями подлинных предметов первой половины XVIII в. из собраний Государственного Эрмитажа, Центрального военно-морского музея, Государственного исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, многих других музеев, а также частных коллекций. Специально для этого издания заслуженный художник РФ Андрей Тронь подготовил серию высококачественных планшетов-реконструкций фигур русских моряков в различных вариантах их костюма.

УДК 355.14(091)(47)
ББК 68.54

© Назаренко К.Б., 2022
© Тронь А.А., иллюстрации, 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022

ISBN 978-5-87849-247-8

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

TOTALBOOK. ТОТАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Назаренко Кирилл Борисович

РУССКИЙ МОРСКОЙ КОСТЮМ ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Ответственный редактор *К. Семенов*
Художественные редакторы *А. Никулин, Р. Фахрутдинов*
Верстка *А. Никулин*
Корректор *В. Вересиянова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.
Home page: www.yauza.moscow

Для корреспонденции:
E-mail: editor@yauza.moscow

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 03.10.2022.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,33.
Тираж экз. Заказ

book 24.ru
Официальный интернет-магазин издательской группы "ЭКСМО-АСТ"

В электронном виде книги издательства вы можете купить на www.litres.ru
ЛитРес: один клик до книг

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
eksmo.ru
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
eksmo
eksmo.ru

ISBN 978-5-87849-247-8
9 785878 492478 >

ЧИТАЙ ГОРОД

16+

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ИСТОЧНИКИ 13

ИСТОРИОГРАФИЯ 28

КАТЕГОРИИ И ЧИНЫ СЛУЖАЩИХ РУССКОГО ФЛОТА 31

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МОРСКОМ КОСТЮМЕ 43

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОСТЮМА 57

ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА 76

МАТРОССКИЙ КОСТЮМ 150

КОСТЮМ РЕКРУТОВ, КАТОРЖНИКОВ, МАСТЕРОВЫХ И РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ, ВОЕННОПЛЕННЫХ 184

НЕМЕЦКОЕ ПЛАТЬЕ НИЖНИХ ЧИНОВ 188

КОСТЮМ ОФИЦЕРОВ 205

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 244

ПРИЛОЖЕНИЕ А 292
Одежда, продававшаяся британским матросам на кораблях флота (1-я четверть XVIII в.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б 293
Список имущества капитана флота Луки Стеля, умершего в октябре 1709 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В 294
Список имущества капитан-командора Ивана Бекмана (John Beckman), умершего в сентябре 1711 г.

Приложение Г 295
Список имущества штурмана Ермана Ситца, оставленного им в Астрахани весной 1715 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д 296
Данные о наличии мундира в Ревельских флотских магазинах в январе-апреле 1719 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е 298
Рассуждение Воинской морской комиссии о мундире нижних чинов флота (1732 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж 299
Мундир умершего квартирмейстера, проданный с торгов в 1736 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ З 300
Описи одежды умерших морских служителей, отложившиеся в делах Азовской конторы над портом (1738 г.)

ИСТОЧНИКИ 302

СОКРАЩЕНИЯ 319

БЛАГОДАРНОСТИ

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА БЕЗВОЗМЕЗДНОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ:

Абрамов Ю. Ш., коллекционер

Архитектурное бюро «Студия 44» (Санкт-Петербург)

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

Галерея К (Санкт-Петербург)

Государственный музей городской скульптуры (Санкт-Петербург)

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Музей истории Кронштадта (Санкт-Петербург)

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (Великий Новгород)

Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства (Санкт-Петербург)

Центр подводных исследований Российского географического общества

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ:

Государственная Третьяковская галерея (Москва)

Государственный Исторический музей (Москва)

Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)

Калужский музей изобразительных искусств (Калуга)

Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кострома)

Московский музей-усадьба Останкино (Москва)

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕТАЛЬНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПРЕДМЕТАМИ КОСТЮМА
М. Л. Копейкину, Р. Ю. Прохорову (ЦПИ РГО), к.и.н. Н. И. Тарасовой (ГЭ), К. В. Шмелеву (СПбГУ)

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:
из фондов РГАДА – д.и.н. проф. П. А. Кротову (СПбГУ),
из фондов РГВИА – О. Г. Леонову.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА НЕОЦЕНИМЫЕ СОВЕТЫ –
к.и.н. Н.Г. Рогулину

«Который, едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот – обе руки имеет». Эти слова Петра Великого эхом откликнулись в конце XIX в., когда император Александр III сказал, что у России есть только два союзника: армия и флот.

Естественно, что истории Российской императорской армии и флота посвящено много исследований, публикаций документов и музейных предметов.

Среди них заметное место занимают работы, посвященные вооружению, обмундированию, снаряжению. Однако приходится признать, что обмундированию и снаряжению российского флота уделено во много раз меньше внимания, нежели армейскому.

И вот нашему вниманию представлен капитальный труд, посвященный абсолютно неизвестному не только широкой публике, но и специалистам предмету. А именно – форменному костюму российского флота первой половины XVIII в.

К.Б. Назаренко, автор этого исследования, кропотливо изучил практически все возможные источники по этой теме.

Благодаря этому, как мозаичная картина собирается из маленьких кусочков смальты, собралось максимально полное представление о внешнем облике моряков нашего флота.

Отлично структурированный текст и практически исчерпывающий изобразительный ряд, обширная библиография делают эту книгу незаменимой для каждого интересующегося историей форменного костюма и в целом историей Русского флота.

Председатель Геральдического совета при Президенте Российской Федерации — государственный герольдмейстер, заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе

Г. В. ВИЛИНБАХОВ

Введение

В последние десятилетия униформология превратилась в признанное направление исторических исследований. Прилив в эту тему значительных научных сил привел к вводу в научный оборот большого количества письменных, изобразительных и вещественных источников. Картина истории отечественного форменного костюма сейчас выглядит неизмеримо более полной, чем еще тридцать лет тому назад. Между тем интересы почти всех специалистов по отечественной униформологии сосредоточены на форменном костюме сухопутной армии и (в гораздо меньшей степени) гражданских ведомств. История форменного костюма военно-морского флота оказалась обойдена вниманием. Причиной этого нам представляется мнимая «простота» и «неизменность» флотской униформы, а также объективно меньшее ее разнообразие по сравнению с сухопутной.

Мы считаем верным такое общее определение костюма: «Одежда служит человеку для защиты тела, под костюмом же подразумевается определенная образно-художественная система, характеризующая индивидуум. В понятие "костюм" входят одежда, обувь, прическа, головной убор, перчатки, украшения, макияж и др. Костюм заключает в себе образно-психологическую характеристику носителя, являясь тем знаком, который, с одной стороны, отличает, выделяет его и, с другой стороны, позволяет узнать в нем представителя определенной общественной среды» [*653, с. 89*].

Одной из разновидностей костюма является форменный костюм, который подчиняется общим направлениям развития моды, на что указывал В. М. Глинка [*634, с. 5–6*]. По определению Н. Г. Рогулина, форменный костюм – это «законодательно регламентированный или исторически сложившийся и закрепленный традицией комплекс предметов личной одежды, знаков различия, снаряжения и аксессуаров, служащий признаком принадлежности к определенной корпорации, группе или сословию, указывающий на положение в данной корпорации или группе и обеспечивающий его владельцу выполнение профессиональных и должностных обязанностей в конкретной исторической обстановке» [*687, с. 117*].

Среди качеств форменного костюма выделяются **функциональность** (которая «является основным качеством мундира или форменного костюма. Именно это качество определяет удобство использования комплекса одежды и его составляющих частей, возможность исполнения его носителем своих служебных обязанностей, удобство и комфортность»), **аттрактивность** («внешняя привлекательность, зрелищность форменного костюма исключительно важна, т. к. повышает престижность и мундира, и его обладателя»), **традиционность** (которая «показывает следование историческим традициям или отказ от них, и определяется социальными факторами» *[687, с. 117–118]*).

Очень часто проблема исследования облика военнослужащих прошло-

1. Схоонебек (Шхонебек) А. Осада турецкой крепости Азов… Инженер Ф. Ф. Тиммерман. 1696 г. ГЭ [*494, фрагм.*]

1. Adriaan Schoonebeek, *Siege of Turkish fortress Azov… Military engineer Frans Timmerman, 1696. Fragment*

го неоправданно сужается, сводится к реконструкции собственно военной формы в самом узком понимании этого слова, когда исследователь считает достаточным опубликовать (в лучшем случае – со своими комментариями) тот или иной нормативный акт или описание сохранившегося предмета военного костюма. Необходимо ставить вопрос шире – о военном костюме как совокупности элементов, которые могут быть:

регламентированы государственными, ведомственными или локальными (приказ командира части, соединения) нормативными актами путем текстового описания. Такое описание с течением времени становится все более подробным – для описания форменного костюма в начале XVIII в., как правило, хватало нескольких строк, а в XX в. соответствующие документы разрастаются на сотни страниц;

с помощью рисунка, дополняющего или заменяющего текстовое описание;

указанием на образец (зачастую не дошедший до наших дней);

не регламентированы нормативными актами, но производятся по устоявшейся технологии и по единому

образцу (или по сходным образцам);
утверждены традицией, бытующей в вооруженных силах в целом или в отдельных воинских частях;
вытекают из национальных традиций личного состава вооруженных сил или конкретных воинских частей;
диктуются общегражданской модой;
диктуются специфической военной модой;
диктуются удобством в конкретной ситуации боя, похода, повседневной жизни.

В результате даже формально не регламентированный военный костюм оказывается весьма единообразным, оставляя мало места для индивидуальных отклонений. Усложняет задачу исследователя то обстоятельство, что военный костюм (как и костюм вообще) – динамично меняющаяся система, элементы которой находятся в постоянном развитии и взаимодействии. Поэтому элемент военного костюма, еще вчера не регламентировавшийся и диктовавшийся модой, завтра может быть регламентирован, а послезавтра подвергнуться изменениям под влиянием новой моды. Поверхностный взгляд заметит при этом только нормативный акт, регламентировавший этот элемент, тогда как внимательный исследователь поставит вопрос о процессе его развития.

При этом униформой можно считать регламентированный (с вышеуказанными оговорками) костюм, позволяющий по внешним признакам определять:

факт нахождения на службе у конкретного государства или корпорации – например, наличие кокарды (эмблемы); однако в ряде случаев костюм в целом достаточно характерен для определения государственной (корпоративной) принадлежности и не требует наличия особого элемента, указывающего на нее;

ранг служащего – наличие знаков различия по чинам (должностям) или категориям чинов (должностей);

принадлежность к воинской части, роду войск или учреждению – наличие соответствующих знаков различия.

Наше исследование охватывает период от основания флота в России до введения «екатерининского» мундирного регламента 1764 г. Имя Петра III не было вынесено в заглавие, поскольку при нем никаких изменений в форме моряков не произошло, а результаты работы созданной им Комиссии российских флотов и адмиралтейского правления воплотились в нормативные акты лишь в 1764 г.

Структура работы продиктована логикой изучения форменного костюма. Очевидно, что сначала следует определиться с тем, на какие группы делились военнослужащие, носившие тот или иной костюм, и какие обязанности они выполняли. Переходя к описанию самого костюма, мы полагаем необходимым начинать с изучения материалов для его изготовления, затем переходить к реконструкции отдельных предметов и наконец, костюма в целом. Далее следуют разделы, посвященные матросскому костюму и немецкому платью нижних чинов и офицеров флота. Мы считаем важным осветить костюм всех категорий «казенных людей» морского ведомства, включая и те, которые, как правило, не удостаиваются внимания, например работные люди и каторжники. Мы сознательно исключили из данной работы материалы о костюме морской пехоты, который уже удостоился специального рассмотрения в исследовании А. В. Кибовского и О. Г. Леонова *[655]*, а также о костюме гардемарин и гребцов, как придворных, так и флотских, поскольку планируем издать работы, специально посвященные этим сюжетам.

Мы будем употреблять термин «немецкий кафтан» или «немецкое платье» для обозначения классического западноевропейского мужского костюма, который в XVIII в. был регламентирован в качестве военной формы в европейских государствах. В России он был принят в сухопутной армии (с 1703–1705 гг.) и в гражданской жизни высших сословий. Термин «немецкое платье» тем более оправдан, что его употреблял В. И. Даль в своем словаре в том же значении (ср.: «фалда – одна из двух половинок хвоста немецкого платья» *[610]*).

Даты везде приводятся по старому стилю. Орфография цитат из источников в большинстве случаев приведена к современной норме. В списке источников мы приводим существующие на сегодняшний день официальные датировки и атрибуции произведений, тогда как в тексте и в подписях к иллюстрациям даем собственные варианты в тех случаях, когда полагаем их обоснованными.

Источники

Источники изучения форменного костюма XVIII в. принадлежат к трем типам – вещественные, письменные и изобразительные [*686*].

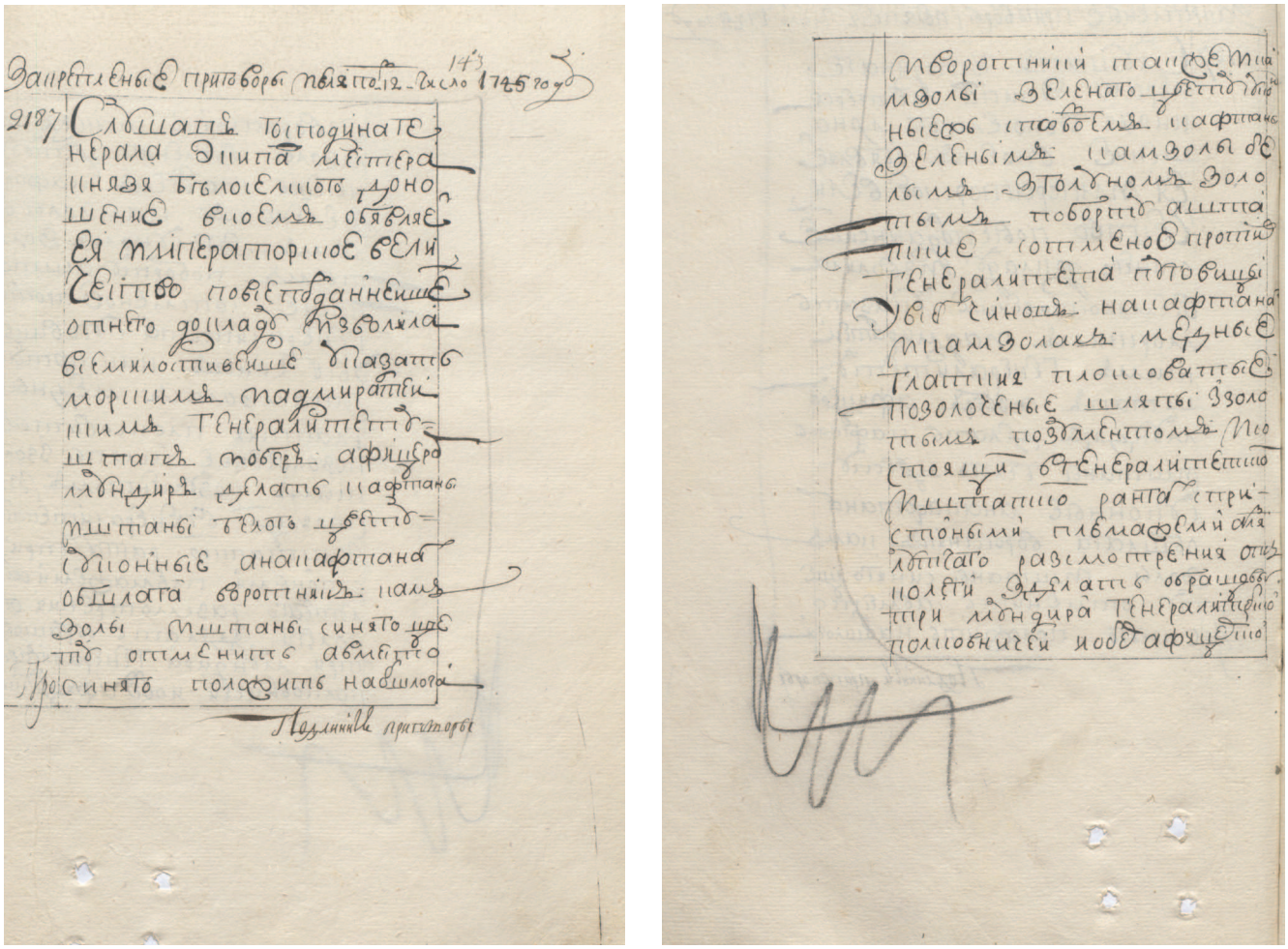
Письменные источники традиционно находились в центре внимания исследователей. Сравнительно рано началась их публикация. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) включает в себя том 44 (часть 1), претендующий на то, чтобы быть полной публикацией «штатов по морской части», а также включает целый ряд нормативных актов, касающихся темы морского костюма XVIII в., разбросанных по разным томам. Не входя в подробное рассмотрение достоинств и недостатков этого издания, отметим, что оно включает далеко не все нормативные акты, публикаторы прибегали к произвольному сокращению текстов оригиналов. Нередки здесь и опечатки. Поэтому исследователь никак не может обойтись лишь обращением к текстам, опубликованным в ПСЗ.

Делопроизводственные документы, относящиеся к истории морского костюма первой половины XVIII в., хранятся в основном в Российском государственном архиве Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ), но их можно найти и в других архивохранилищах, например в Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (далее НА СПбИИ РАН), в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА). Если в РГА ВМФ и в РГАДА отложились целые фонды соответствующих учреждений, то в НА СПбИИ РАН и в ОР РНБ документы по истории флота попали случайно. В частности, в ОР РНБ оказались разрозненные листы из дел Петровского времени, похищенные неизвестным лицом из Морского архива (предшественник РГА ВМФ), возможно, с целью собирания образцов почерка. Здесь оказались документы, имеющие большое значение для данного исследования, в частности ведомости наличия обмундирования на Ревельских складах на рубеже 1710–1720-х гг. В НА СПбИИ РАН попали учетные книги выдачи мундирного жалованья, вероятно, списанные из Морского архива и спасенные кем-то от уничтожения.

Описаны эти документы сравнительно плохо. Резко выделяются лишь несколько фондов РГА ВМФ, подробно описанных в последней четверти XIX в. в «Описании дел Архива Морского министерства» [*614*]. Заголовки архивных единиц хранения (дел), содержащиеся в описях, часто не соответствуют кое-где сохранившимся историческим заголовкам, указанным на старых обложках, а те и другие нередко не соответствуют содержанию единиц хранения.

Следует по достоинству оценить огромный информационный потенциал приговоров (или протоколов, журналов) Государственной адмиралтейств-коллегии (далее ГАК). Их количество (до нескольких тысяч номеров на один год) свидетельствует о том, что в этих приговорах отразились даже маловажные вопросы управления флотом, особенно его материальной частью. Остается лишь мечтать о современной научной сплошной публикации этих приговоров.

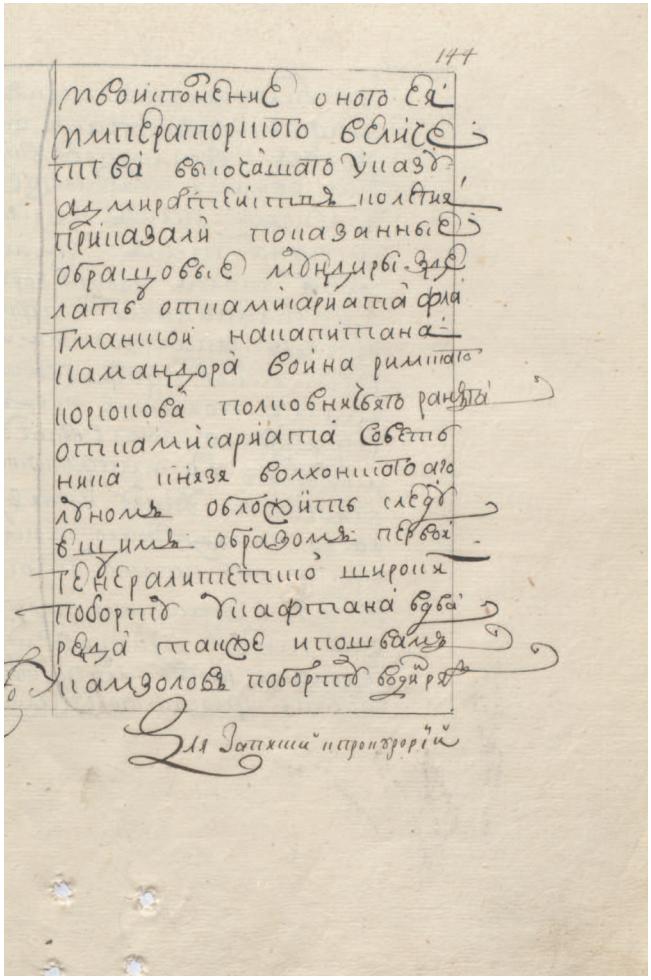
В свое время С. И. Елагин, Ф. Ф. Веселаго и ряд их помощников провели грандиозную работу по изданию «Материалов по истории русского флота» (далее – МИРФ), которые вышли из печати в 17 частях в 1865–1904 гг.

2. Приговор ГАК №2187 от 4 июля 1745 г. о введении офицерской формы обр. 1745 г. [*351*]
2.The ordinance of The State College of Admiralty №2187 of July 4, 1745 on the introduction of dress-regulations for Naval officers

МИРФ представляют собой памятник полного научного альтруизма, который вряд ли возможен в наши дни. Их составители провели титаническую работу по выявлению и публикации документов по истории русского флота XVIII – начала XIX в. (издание доведено до 1804 г.), при этом отказались от славы авторов собственно труда по истории флота. Они обеспечили историкам будущего возможность легкого доступа к необходимым им источникам, за что им низкий поклон. Хронологически предваряет этот труд «История русского флота. Период азовский» С. И. Елагина. Приложения к этому исследованию послужили прототипом для МИРФ. Наличие систематического указателя делает работу с МИРФ для исследователя максимально комфортной. Парадоксальным образом это обстоятельство сыграло роль в замедлении развития исследований истории русского морского костюма – у некоторых авторов сложилось представление о возможности создания новых «исследований» путем простого цитирования или пересказа опубликованных в МИРФ документов.

Между тем и на солнце бывают пятна. Составители МИРФ пользовались приемами публикации документов, которые по меркам сегодняшнего дня не могут быть признаны научными. Иногда они давали анахроничные названия опубликованным документам. Например, решения ГАК первой половины XVIII в. оформлялись в виде «приговоров», тогда как в МИРФ они называются «определениями», «протоколами», «журналами». Составители МИРФ сокращали документы, никак не обозначая этого обстоятельства в их тексте. В частности, они систематически опускали титулы правителей и фрагменты, не представлявшие, на их взгляд, интереса, с целью сократить объем публикации. Иногда они прибегали к сокращенному пересказу частей докумен-

та, никак это не оговаривая. Довольно часто встречаются перестановки слов. В МИРФ присутствуют и более серьезные ошибки чтения документов. Так, в описании формы 1745 г. после указания на галун для отделки мундира офицеров, состоящих в полковничьих рангах, говорится о галунах для «состоящих в полковничьих и командорских рангах» [*188*]. В действительности, во втором случае идет речь о «состоящих в подполковничьих и майорских рангах» [*351, л. 165*]. Слово «майорских» действительно написано в оригинале приговора ГАК не слишком хорошим почерком, тем не менее его вполне можно прочитать правильно. Кстати, в оригиналах приговоров ГАК сохранились следы работы составителей МИРФ, предназначенные для публикации фрагменты очерчены карандашом.

Хорошее представление о том, насколько большим авторитетом пользуется МИРФ, дает следующий сюжет. В описании формы унтер-офицеров флота образца 1748 г. есть фраза: «Квартирмейстерам, баталерам, писарям секретарским и комиссарским [мундиры] против боцманматов же, а с позументом [на обшлагах] одним и с подкладкою из каразеи, с медными пуговицами» [*355*]. Составители МИРФ прочитали слово «комиссарским» как «коммерческим» и по страницам публикаций по истории морского костюма пошли «гулять» «коммерческие секретари» в ранге квартирмейстера флота [*646, с. 58*].

Осознавая недостатки МИРФ, мы, отдавая дань уважения предшественникам, при цитировании опубликованных документов ссылаемся на издание, а не на оригинал, в тех случаях, когда в публикации нет существенных искажений текста источника. По этим же соображениям мы сохраняем то название документа, которое ему дали публикаторы, если цитируем документ по публикации.

Оценивая сохранность делопроизводственной документации, посвященной морскому костюму первой половины XVIII в., следует отметить, что в РГА ВМФ отложилось сравнительно много источников по истории костюма Петровской эпохи, а также рубежа 30–40-х гг., тогда как документов, касающихся периода со второй половины 20-х до конца 30-х гг. и особенно с начала 40-х гг. до 1762 г., заметно меньше. На наш взгляд, это объясняется не особенностями документообразования, а спецификой хранения документов в последующие столетия. Во все времена признавалась безусловная ценность материалов Петровской эпохи, что предопределило их неплохую сохранность. Дела, в которых упоминался «известный титул» свергнутого младенца-императора Ивана Антоновича, были выделены сразу после елизаветинского переворота в особое хранение. Поэтому, как особо секретным, им меньше грозило уничтожение, однако хранились они в плохих условиях, о чем свидетельствуют утраты части листов в большей части дел этой группы.

Относящиеся к другим периодам дела, касающиеся снабжения обмундированием, как «маловажные», зачастую хранились небрежно или уничтожались. Это становится понятным, если учесть зачастую очень

громоздкие формы отчетности. Например, «Книги учетные раздаточные его/ее императорского величества мундирного жалованья» содержали записи о выдаче каждого предмета обмундирования каждому матросу. Одной страницы (формата близкого к А4) хватало для фиксации выдачи годового комплекта «мундира» двум-трем человекам. Поэтому даже от выдачи обмундирования сравнительно небольшому экипажу одного корабля оставалась книга объемом около 100 страниц. Можно понять ответственных за хранение архивных документов лиц, которые не видели ничего ценного в бесконечных повторениях фразы вроде: «Его императорского величества мундирное жалованье две пары чулков взял. Матрос 1 статьи Иван Сидоров сын Петров» [*341*].

Отметим также специфическую особенность выражения воли монарха в первой половине XVIII в. – далеко не всегда она фиксировалась письменным указом за подписью царя. Устное распоряжение также называлось указом и объявлялось через кого-то из государственных служащих так: «по указу его царского величества за подписанием руки господина генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григория Петровича Чернышева повелено…» [*264*]. В подобном случае не следует искать указ за подписью Петра I. Лишь при Екатерине II был установлен твердый порядок объявления устной воли монарха – был ограниченый круг лиц, которые имели право ее передавать, и круг вопросов, которых она могла касаться.

К. В. Татарниковым в 2009 г. был издан сборник документов по истории сухопутного мундира «Материалы по истории русского военного мундира 1730–1801 гг.». Он позволяет обратиться к документам Воинской коллегии и существенно дополнить освещение ряда вопросов по истории морского костюма.

При изучении письменных источников важную роль играет анализ цен на предметы снабжения. Напомним, что в 1698 г. содержание чистого серебра в рубле было понижено до 24,8 г, к 1712 г. оно достигло минимума – 17,1 г, с 1718 г. повышено до 20,7 г. Понижение содержания серебра в рубле и продолжающиеся военные действия вызвали подъем цен к концу Северной войны. После ее окончания цены несколько понизились и оставались стабильными до конца 1760-х гг., когда произошло снижение содержания чистого серебра в рубле до 18 г (1764 г.) [*692, с. 415*] и началась эмиссия бумажных денег (1768 г.). Поэтому вполне корректно при оценке качества тех или иных материалов или предметов обмундирования исходить из неизменности цен во второй половине 20-х – конце 60-х гг. XVIII в. Конкретные наблюдения показывают, что цены на сукно, например, даже несколько снизились к 50-м гг. по сравнению с 30-ми гг. XVIII в.

Контракты на поставку готовой одежды для матросов британского флота первой половины XVIII в. [*714*] и нормы отпуска обмундирования матросам датского флота [*704, s.174*] дают ценный материал, позволяющий поставить русский морской костюм в контекст европейского.

В первой половине XVIII в. мемуарный жанр в России лишь начинал свое развитие, поэтому воспоминания русских людей этого времени немногочисленны. Из мемуарных источников, затрагивающих тему военно-морского форменного костюма, можно назвать лишь «Записки» И. И. Неплюева [*400*]. Я. С. Барш в своем уникальном дневнике, к сожалению, практически не затрагивает интересующую нас тему [*397*]. Записки датского путешественника П. фон Хавена проливают свет на важные моменты истории русского морского форменного костюма [*402*].

Описание одежды понтонеров времен Семилетней войны, которые одевались по образцу матросов, и множество соображений, касающихся изготовления и свойств канифаса, сохранилось в работе А. Немого, посвященной конструкции и эксплуатации понтонных мостов [*412*].

Существенной проблемой в работе с письменными источниками первой половины XVIII в. является правильное понимание употребляемых в них терминов. Наиболее близким по времени создания к

3. Кадеты Морского кадетского корпуса в реконструированных мундирах. 1901 г. ЦВММ [*548*]
3. Cadets of the Naval Cadet Corps wearing the reconstructed uniforms, 1901

изучаемой эпохе толковым словарем является «Словарь Академии Российской», первый толковый словарь русского языка, изданный в 1789–1794 гг. Важно учитывать, что этот словарь иногда отражает особенности словоупотребления сравнительно узкой группы или короткого периода. Например, слово «каламянок» словарь толкует как «шерстяное исткание одноцветное или с полосками разных цветов, а иногда и с цветочками» [*617*], тогда как в первой половине XIX в. каламянок – «гладкая пеньковая или льняная ткань, беленая или суровая, похожая на демикотон» [*610*]. Согласно современному определению: «льняная ткань атласного переплетения, с настилом из уточных нитей на лицевой стороне, суровая, полубеленая или беленая» [*612*]. Учитывая, что каламянок в первой половине XVIII в. изготавливался на парусиновой фабрике, мы полагаем, этот термин означал в изучаемый нами период только льняную ткань.

Непреходящее значение имеет словарь В. И. Даля [*610*]. Также чрезвычайно полезными оказались словарь И. А. Карповой, специально посвященный терминологии, связанной с тканями [*612*], и академический «Словарь русского языка XVIII в.», к сожалению, доведенный за 35 лет издания лишь до буквы У [*621*].

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Сохранились лишь единичные подлинные предметы обмундирования военнослужащих флота первой половины XVIII в. Прежде всего это башмаки, поднятые с затонувшего в 1719 г. 54-пушечного корабля «Портсмут», которые хранятся в Музее истории Кронштадта [*551*].

Предметы, поднятые с торгового судна «Архангел Рафаил», затонувшего у берегов Карельского перешейка в 1724 г., не относятся к регламентированному обмундированию русского флота [*552–554; 559–561; 577 а; 581; 583–585; 593–595; 598; 601*]. Они бытовали в среде моряков Северной Герма-

4. Сафонов А. П. Матрос 1711 года. 1890-е гг. ЦВММ [*486*]
4. Alexander Safonov, *A Sailor, 1711, 1890s.*

5. Сафонов А. П. Подштурман 1748 года. 1890-е гг. ЦВММ [*489*]
5. Alexander Safonov, *A Master's mate, 1748, 1890s.*

нии. Однако не будем забывать, что в первые годы существования русского флота матросы приобретали обмундирование самостоятельно, а нанятые в Европе приезжали в Россию в европейской матросской одежде. Поэтому аналогичные предметы могли носить моряки русского флота, а похожие вещи могли служить образцами для казенных заказов.

Недавно в одном из зданий Первого кадетского корпуса в Петербурге было обнаружено большое количество предметов обмундирования [*556 б; 577 б; 577 в; 591*]. Они были найдены под полом помещения, построенного на рубеже 30–40-х гг. XVIII в., причем вещи несут следы сильного износа, а иногда и вторичного использования (рукав от рубашки, возможно, функционировал в качестве мешочка или чехла). Поэтому мы полагаем, что эти предметы бытовали в 20–30-е гг. Они не имеют прямого отношения к флоту, но позволяют судить о типовой для военной среды одежде и аксессуарах.

В европейских коллекциях хранятся предметы одежды и аксессуары матросского быта, аналогичные использовавшимся в русском флоте [*550; 606–609; 707 а*].

Ряд предметов одежды, которые можно было бы принять за памятники первой половины XVIII в., являются в действительности реконструкциями начала XX в. для юбилейных торжеств (например, для 200-летнего юбилея Морского корпуса) [*548*].

Петр Великий любил носить на маскарадах матросский костюм. Так, он был в нем на свадьбе князь-папы Н. М. Зотова в 1714 г. [*693 б, с. 180*]. На свадьбе нового князь-папы П. И. Бутурлина в сентябре 1720 г. «государь, в том машкараде, был в черном бархатном матросском платье и [на нем была] голандская шляпа, а шел с барабаном, изволил бить бой барабанной» [*399, с. 9*]. На маскараде по случаю Ништадтского мира 10 сентября 1721 г. «его величество представлял корабельного барабанщика… Царь, одетый, как

6. Коргуев Н. А. Матрос 1719 года. 1890-е гг. ЦВММ [*440*]
6. Nikolay Korguyev, *A Sailor, 1719, 1890s.*

7. Коргуев Н. А. Флота и морской артиллерии обер- и штаб-офицеры 1735 года. 1890-е гг. ЦВММ [*444*]
7. Nikolay Korgueyv, *Officers of the Navy and of Naval Artillery, 1735, 1890s.*

сказано, голландским матросом или французским крестьянином и в то же время корабельным барабанщиком, имел через плечо черную бархатную, обшитую серебром перевязь, на которой висел барабан, и исполнял свое дело превосходно» [*398, с. 209–210*]. Очевидно, что костюм барабанщика, собственно, заключался в барабане, но также ясно и то, что перепутать костюм голландского матроса и французского крестьянина можно было очень легко, не говоря уже о том, что царский «матросский» костюм мог быть изготовлен из материалов абсолютно недоступных рядовому моряку, а на маскарадный костюм могло идти гораздо больше материала, чем на матросский мундир. Это обстоятельство, должно было наложить отпечаток на особенности кроя царских костюмов. Многие из них хранятся в Государственном Эрмитаже и часто воспринимаются как обладающие абсолютной достоверностью [*556 а; 558; 563–569; 597; 600; 603 а*-б]. Мы нисколько не сомневаемся в их подлинности, но разница между маскарадным костюмом царя и рабочей одеждой матроса должна была быть весьма значительной.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В коллекции Центрального военно-морского музея (далее ЦВММ) хранится несколько раскрашенных статуэток, изображающих русских моряков в костюмах разных чинов и эпох. Те из них, что реконструируют облик моряков первой половины XVIII в., были созданы в 1890–1895 гг. разными мастерами [*701, с. 99–100*]. Произошло это по инициативе будущего Николая II, когда наследник престола, посетивший Морской музей 29 марта 1888 г., обратил внимание «на отсутствие в нем образцов форм обмундирования морских команд»

8. Коргуев Н. А. Флота обер-офицер в строевой форме 1732 года. 1890-е гг. ЦВММ [*445*]
8. Nikolay Korguyev, *A junior officer of the Navy, 1732, 1890s.*

9. Сафонов А. П. Флагман 1745 года. 1890-е гг. ЦВММ [*454*]
9. Alexander Safonov, *A Flag officer, 1745, 1890s.*

[*388, л. 1*]. Скульптор А. П. Сафонов (1852–1913) в августе 1890 г. выполнил гипсовые раскрашенные фигуры штаб- и обер-офицеров в форме образца 1735 и 1745 гг. [*388, л. 9, 27*]. Позднее он исполнил [*388, л. 38, 58*] фигуру офицера морской артиллерии в (фантастической) форме 1732 г., мичмана унтер-офицерского ранга и подштурмана в форме 1748 г., матроса 1711 г. и «времен Петра I» [*486–489*].

А. П. Сафонов был примечательной фигурой. Офицер гвардейской кавалерии, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., он увлекся живописью и скульптурой, брал уроки у известнейшего скульптора-анималиста Н. И. Либериха. В конце XIX в. он оказался фактически главным художником и скульптором Интендантского управления Военного министерства, вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Подготовительные рисунки для многих из этих фигур делал известный военно-морской историк полковник по адмиралтейству Н. А. Коргуев (1829–1900) [*701, с. 100–101*]. Они сохранились в коллекции ЦВММ и ГМЗ «Гатчина». Н. А. Коргуев сочинил не существовавшую форму образца 1731 г. генерала морской артиллерии, адмирала и обер-офицера [*436; 439; 443; 445*]. Он также по собственной фантазии изобразил адмирала, штаб- и обер-офицеров в форме образца 1735 г., адмирала и штаб-офицера в форме образца 1745 г., матросов в бострогах и в канифасном кафтане [*437; 438; 440–442; 444; 446*]. Обстоятельства создания некоторых статуэток неясны [*452–454*].

Скульптуры А. П. Сафонова неоднократно публиковались, причем у многих сложилось впечатление, что они представляют собой равную ценность как источник по истории морского костюма. В действительности источником по истории собственно морского костюма являются только те из них, которые отражают

облик моряков второй половины XIX в., современный изготовителям скульптур. Скульптуры же, изображающие моряков более ранних периодов, также как и рисунки Н. А. Коргуева, отражают лишь представление об их облике, сложившееся в конце XIX в., причем это представление было весьма далеким от реальности. Нельзя не отметить, что в эти скульптуры, представляющие людей первой половины XVIII в., внесены характерные черты костюма второй половины XIX в. Во многих случаях А. П. Сафонов, ради облегчения производства фигур, отливал их детали по одной модели. В результате форма шляпы офицеров XVIII в. приближается к «двууголке», сложившейся лишь на рубеже XVIII–XIX вв., а покрой кафтана на фигурах, изображающих офицеров 30–40-х гг. XVIII в. такой же, как во времена Екатерины II и т. д. Н. А. Коргуев переносил привычные ему элементы костюма в отдаленное прошлое. Так, воротник матросского бострога Петровской эпохи почти точно повторяет форму стоячего воротника мундира-полукафтана 60-х гг. XIX в., тогда как вплоть до конца XVIII в. бострог не имел воротника вообще.

10. Вельде В., ван дер, Младший. Встреча в море английского корабля «Принс» и голландского «Гауден Леув». 1689 год. АМ [*545, фрагм.*]
10. Willem van de Velde de Jonge. *Meeting of English ship «Prince» and Dutch ship «Gouden Leeuw» at sea, 1689. Fragment.*

Художников XVIII в. и их заказчиков гораздо больше интересовали корабли, чем моряки. Фигурки людей на кораблях и шлюпках служат в лучшем случае стаффажем. До нас дошли изображения моряков первой половины XVIII в., сделанные художниками того времени, но, к сожалению, их немного, и сами фигуры моряков на них занимают весьма скромное место. Они находились под влиянием представлений о приличиях, принятых в придворном обществе. Матросский костюм считался рабочей одеждой черни, а его фиксация в рисунке выходила за принятые рамки.

11. Бакхейзен Л. Прибытие в Амстердам фрегата «Де-Плуг». 1708 г. RM [*506*]
11. Ludolf Backhuysen, *Arrival of the frigate "De Ploeg" in Amsterdam, 1708*

12. Смаут Л. (младший). Морской бой. 1690-е гг. ГК [*490*]
12. Lucas Smaut de Jongere, *A naval battle, 1690s.*

в портах, хотя, судя по ряду упоминаний в письменных источниках, их постоянно носили летом на кораблях.

Среди изобразительных источников по истории морского костюма первой половины XVIII в. следует назвать картины Л. Бакхейзена, Л. Смаута-младшего и А. Сторка, рисунок П. Бергмана, гравюры П. Пикарта, А. Схонебека (Шхонебека), А. Ф. Зубова, О. Эллигера, Е. Виноградова, И. П. Елякова, Я. В. Васильева, неизвестных художников [*421–424; 428–433; 457; 481; 482; 490–494; 501–503; 506; 525; 526*]. Некоторые гравюры затем послужили основой для большеформатных картин маслом, в которые вносились изменения в соответствии с переменами в костюмах [*456*]. Отметим, что при анализе изобразительных источников, особенно многофигурных композиций, следует тщательно вникать в изображенную на картине сцену. Например, в качестве источника по истории матросского костюма часто привлекают картину А. Сторка «Показательный (примерный) бой на реке Эй в честь Петра I 1 сентября 1697 г.» [*491*]. При этом обязательно следует учитывать, что изображено не настоящее, а потешное морское сражение, поэтому среди персона-

Поэтому мы не найдем, например, ни одного изображения матроса в рубахе вплоть до последней четверти XVIII в., хотя, судя по письменным источникам, рубаха была основной рабочей одеждой гребцов на шлюпках, в том числе царских. Существует единственное изображения матроса XVIII в.

13. Сторк А. Показательный бой на р. Эй. 1698 г. ЦВММ *[491]*
13. Abraham Storck, *A mock battle on the river IJ, 1698*

14. Сторк А. Фрегат «Петр и Павел». 1698 г. ЦВММ [*526, фрагм.*]
14. Abraham Storck, *The frigate "Pieter en Paul", 1698. Fragment*

жей картины масса «публики» в костюмах, не имеющих ничего общего с матросскими. Это может привести к неправильным выводам и смешению профессионального костюма матросов с одеждой, бытовавшей среди других сословно-профессиональных групп.

С. Б. Горбатенко предполагает, что на одной из гравюр по рисунку П. Пикарта [*525*] изображен Петр I в образе голландского матроса [*635*], а С. Е. Глезеров уже уверенно это утверждает [*633*]. Оригинальная подпись гравюры гласит, что перед нами «Крестьянин с [острова] Флиланда», что не мешает ему быть одетым в такой же костюм, который носили матросы. Видимо, некоторое внешнее сходство изображенного с молодым Петром подтолкнуло к идентификации изображения как портрета царя-реформатора, хотя, на наш взгляд, для этого нет оснований.

15. Пикарт П. и др. Крестьянин с [острова] Флиланда. 1689–1713 гг. Чк. [*525*]
15. Pieter Picart, *A peasant from [the island] Vlieland, 1698–1713*

Нам известны два рисунка, изображающие русского матроса первой половины XVIII в. в рост. Один из них – акварель, хранящаяся в Национальной библиотеке Франции (далее BNF) [*535*]. Она ошибочно датирована в каталоге XVII в. и находится в папке, содержащей еще три рисунка такого же размера и оформления, изображающие русскую дворянку в старинном костюме, горничную в русском костюме и крестьянина [*530; 531; 537*]. Эти рисунки мы условно объединяем в «костюмную» серию. В папке также имеются два рисунка, изображающие пытку на дыбе и казнь подвешиванием за ребро, составляющие «пыточную» серию [*534; 540*]. Они имеют другой размер и оформление, чем рисунки «костюмной серии». Кро-

16. НХ. Матрос русского флота. Ок. 1720 г. BNF [*535*]
16. UA, *A Russian Sailor, circa 1720*

17. НХ. Русский матрос 1750-х гг. по А. Дальстейну. 1890-е гг. ЦВММ [*459*]
17. UA, *A Russian Sailor, 1750s (painted from the original of Augustin Dahlsteen), 1890s.*

18. Дальстейн А. Калмык. 1755 г. [*515*]
18. Augustin Dahlsteen, *A Kalmyk, 1755*

ме того, в папке хранится рисунок сангиной, представляющий русскую купчиху [*528 а*].

Подпись к рисунку, изображающему матроса, гласит «Matelot de la flotte russienne. Habillé de toille a voile, avec un Croc a la maine», т. е. «Матрос русского флота. В одежде из парусного полотна, с багром в руке». Следовательно, матрос одет в канифасные штаны и бострог, которые состояли в числе предметов снабжения в 1711–1719 гг.

Уточнить датировку позволяет рисунок, изображающий казнь подвешиванием за ребро с подписью «Supplice de Moscovie, pour les chefs de bande de voleurs et les voleurs qui tuent», т.е. «Московитская казнь для вожаков банды разбойников и разбойников, которые убивают» [*540*]. Такая формулировка почти дословно совпадает с одним из пунктов инструкции, данной в 1719 г. офицерам, посланным для борьбы с дезертирством и разбоями: «а вящщих воров и разбойников, а особливо тех, которые чинили смертные убийства и мучения, вешать за ребра, а иных колесовать, смотря по жестокости их воровских злых поступков» [*18*]. Учитывая, что инструкция была дана в декабре 1719 г., логично датировать подпись под рисунком временем после этой даты. Поэтому можно считать, что «пыточная» серия была исполнена около 1720 г. Однако следует учесть, что в «пыточной» серии подписи подклеены к рисунку, а не составляют с ним единое целое, в отличие от «костюмной» серии, где подпись выполнена под рисунком на том же листе. Кроме того, канифасный бострог в 1722 г. был заменен на канифасный кафтан на хрящевой подкладке, а с весны 1719 г. матросам стали выдавать канифасный бострог в паре с сермяжными штанами. Как раз в 1719 г. делопроизводственные документы фиксируют начало изготовления узких штанов для матросов, а широкие начинают постепенно уходить в прошлое. Мы полагаем наиболее вероятным создание рисунка с изображением матроса в 1719–1720 гг.

Другое изображение матроса в рост содержится в серии гравюр шведского художника А. Дальстейна (Дальштейна) «Московитские костюмы и разносчики Петербурга» [*516*]. Изображение матроса из этой серии неоднократно служило образ-

19. Дальстейн А. Солдат зимой. 1755 г. [*515*]
19. Augustin Dahlsteen, *A Soldier in winter, 1755*

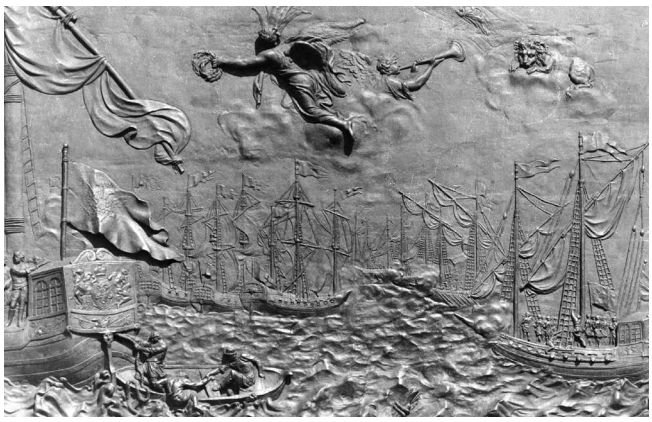
20. Акрель Ф. Петербургский буер. 1750-е гг. SMA [*505*]
20. Fredrik Akrel, *A buer in Saint Petersburg, 1750s.*

цом для позднейших художников. В частности, хорошей раскрашенной копией этой гравюры А. Дальстейна можно считать одно из изображений матроса из альбома, посвященного 100-летию Гвардейского экипажа [*459*].

О художнике известно очень мало. Вероятно, наиболее достоверной является версия, согласно которой Дальстейн (1720–1769) родился в Стокгольме, где и обучался живописи, в молодости переехал в Кассель, затем в Ригу. В 1749 г. он посетил Санкт-Петербург. Он был художником и декоратором, но наибольшую известность Дальстейну принесли изображения жителей Санкт-Петербурга. Это исключительно редкий изобразительный источник [*712*] – в России, насколько нам известно, нет ни одного полного комплекта упомянутой серии.

Искусствовед Е. И. Иткина отмечала, что у Дальстейна «иногда общий облик фигур, способ сочетания точно переданных деталей костюма носит отпечаток явного непонимания художником особенностей национального характера русской одежды» [*652*]. Мы согласны с этим наблюдением. Кроме того, нельзя не заметить, что некоторые листы награвированы в зеркальном отражении. Так, герой гравюры «Калмык» изображен с саблей на правом боку. Одежда матроса запахнута на левую сторону, что также наводит на мысль о зеркальном отражении. Кстати, если верно, что матрос случайно был награвирован таким образом, то правильное его положение должно быть парным к изображению солдата – матрос повернут вправо (от зрителя), а солдат – влево, т.е. друг к другу. При этом между фигурами оказывается скала, часть которой видна на гравюре с солдатом, а часть – с матросом.

В коллекции стокгольмского Морского музея хранится акварель, атрибутированная шведскому художнику Ф. Акрелю (1748–1804) [*505*]. На ней мы видим буер под парусами с матросом на баке и квартирмейстером на руле. Акварель датирована 1771 г., но это явная ошибка. Облик квартирмейстера настолько характерен, что может относиться только к 1723–1732 или к 1751–1764 гг. Возможно, Акрель сделал эту акварель по более раннему рисунку другого художника, а возможно, что атрибуция ошибочна. В любом случае на этой акварели мы имеем лучшее изображение квартирмейстерского кафтана образца 1723 или 1751 г., канифасного кафтана на хрящевой подкладке и длинных матрос-

21. Демут-Малиновский В.И. Битва при Гангуте. 1800 г. ГМГС [*426*]
21. Vasily Demut-Malinovsky, *Battle of Gangut, 1800*

22. НХ. Присяга матросов. Дания. Нач. XVIII в. RC [*532*]
22. UA, *Danish Sailors taking an oath, early 18th century*

ских штанов. Нельзя исключать, что на акварели изображен частный буер, а матрос и квартирмейстер являются слугами его владельца, одетыми по-матросски, но в любом случае, мы имеем дело с изображением матросского костюма.

В Эрмитаже хранится кубок-кораблик, изготовленный в России в 1706 г. из первого Нерчинского серебра [*572*]. Фигуры на его палубе исполнены скорее в традициях немецкого ювелирного искусства XVI–XVII вв. («ландскнехтские» костюмы), пушки на палубе – на характерных сухопутных лафетах. Это доказывает, что мастер, изготовивший вещь, возможно, вообще не видел кораблей той эпохи своими глазами и делал кубок по рисункам или образцам. Однако одна из фигур – матроса, лезущего по вантам, резко отличается по костюму от других. На ней плоская шляпа с небольшими полями, узкие штаны, чулки, куртка длиной примерно до середины бедра с многочисленными складками, заложенными на спине от талии (возможно, с отрезной спинкой). Вероятно, эта фигурка была изготовлена под непосредственным впечатлением от матросского костюма, возможно, другим мастером или позднее, чем сам кубок.

Еще одно изображение матросов XVIII в. находится на пьедестале памятника Петру I у Михайловского замка [*426*]. Здесь, на барельефе, запечатлевшем Гангутскую победу, на переднем плане помещена шлюпка с тремя матросами. Одного из них извлекают из воды, он почти обнажен. Другой, держащий канат, одет в довольно длинную подпоясанную веревкой рубаху, его ноги ниже колен обнажены. Третий, сидящий справа, одет в рубаху с закатанными рукавами, опоясанную веревкой, порты и форменную матросскую шляпу, на ногах у него башмаки. Барельеф «Гангутская победа» исполнен, вероятно, В. И. Демут-Малиновским под руководством М. И. Козловского. В. И. Демут-Малиновский, как академический скульптор, испытывал сильное влияние классического наследия, но в данном случае изображения вполне реалистичны. Заметим, кстати, что во время учебы в Академии художеств он получил две серебряные медали за успехи в лепке с натуры. О стремлении скульптора следовать натуре говорит то, что Петр I и группа офицеров на корме галеры в левом углу барельефа одеты в «павловскую» флотскую форму: на них характерные кафтаны и шляпы, низко повязанные офицерские шарфы и сапоги с невысокими голенищами. Этот облик вполне соотносится с рисунками из альбома, изображающего морских чинов, который хранится в Гатчинском дворце-музее и может быть датирован февралем-декабрем 1797 г. [*477*]. Мы не сомневаемся, что и матросов скульптор представил вполне реалистично, так, как они действительно могли выглядеть в конце XVIII в. Учитывая, что матросские рубаха и порты за столетие не претерпели изменений, их облик можно соотнести и с матросами первой половины XVIII в.

Значимыми изобразительными источниками по истории морского костюма

первой половины XVIII в. являются несколько дошедших до нас портретов. Среди них два портрета В. А. Дмитриева-Мамонова работы И. П. Люддена, Ф. Я. Лефорта, написанный М. ван Мюссером и другой, награвированный по рисунку П. Шенка 1-го, его же работы портрет К. Крюйса, а также портреты Н. Ф. Головина, Т. Гордона, П. Г. Кашкина, неизвестного адмирала, В. Я. Римского-Корсакова, П. И. Сиверса и И. Г. Черевина исполненные неизвестными мастерами [*448; 449; 460; 462; 474; 476; 499; 500; 522; 527*].

23. Назари Б. Г. Хэмилтон 2-й виконт Бойн с друзьями в каюте. 1731–1732 гг. NMM [*524*]
23. Bartolomeo Nazari, Gustavus Hamilton, 2nd Viscount Boyne and Friends in a Ship's Cabin, 1731–1732

Мы предлагаем новую атрибуцию для портрета пожилого вице-адмирала кисти Л. З. Христинека и старика во флотском мундире работы И. Я. Меттенляйтера. По нашему мнению, в первом случае изображен вице-адмирал Я. С. Барш, а во втором – обер-цейхмейстер морской артиллерии М. Зыков или А. И. Пахомов. Мы полагаем, что на акварели «Екатерина II возвращает из ссылки канцлера Бестужева» среди других, можно видеть адмирала И. Л. Талызина [*450; 458; 498*]. Также мы уточняем датировку портрета Г. П. Чернышева, который был написан около 1725 г., а не после 1741 г. и ряда других произведений [*475; 611, №373*].

Прекрасным материалом для сравнения могут служить изображения европейских морских офицеров той эпохи, в том числе кисти таких известных мастеров, как У. Хогарт и Г. Неллер (Кнеллер) [*506; 511; 514; 515; 520; 524; 527; 536; 538*].

Ряд изображений европейских матросов XVIII в. позволяют получить материал для сравнения. Среди них рельеф начала XVIII в. из Розенборгского дворца (Дания), изображения датских матросов середины XVIII в. из коллекции BNF, гравюры и рисунки, изображающие британских, голландских, итальянских, турецких, испанских моряков и представителей рабочего люда [*447; 507; 508; 510–513; 517; 518; 525; 529; 532; 533; 541; 543; 546; 547*].

Собранный материал дает возможность по-новому проанализировать проблему русского морского костюма конца XVII – первой половины XVIII в.

Историография

У истоков изучения истории русского военно-морского костюма стоит генерал Корпуса флотских штурманов Ф. Ф. Веселаго (1817–1895). Его цель – описание истории флота в целом, лишь в незначительной мере он обращался к истории форменной одежды [*630, с. 95–96; 632, с. 487–490*]. Тем не менее качество текстов Ф. Ф. Веселаго оказалось настолько высоким, что до сего дня они служат источником компиляций, если не прямого плагиата. Примером такого рода являются (в части, посвященной истории морского костюма) публикации В. А. Дыгало о морских традициях, Г. И. Зуева о Морском корпусе и др. [*648, с. 207–210; 651, с. 69–71*].

Следует также отметить записки адмирала М. Н. Лермонтова (1792–1866) [*662–664*], созданные в 50-е гг. XIX в. и опубликованные Л. А. Малышевым (под своим именем) в 2014 г. [*671*]. Из записок М. Н. Лермонтова была сделана выборка, посвященная обмундированию Гвардейского экипажа (в том числе и придворных гребецких команд первой половины XVIII в.) [*665*]. Эта выборка представляет собой большей частью те фрагменты документов, которые позднее были включены в МИРФ.

В конце XIX в. был создан анонимный сборник «Описание форм обмундирования чинов русского флота» (далее – ОФОЧРФ), который хранится в Центральной военно-морской библиотеке. Его составители довольно неряшливо скопировали ряд документов, опубликованных в МИРФ или вышедших отдельными изданиями, произвольно сократив их тексты, а временами и исказив их. Вероятно, составителем ОФОРЧФ был Н. А. Коргуев, а составление этого сборника было связано с его работой по сбору материалов для создания серии раскрашенных скульптур, изображающих русских моряков в костюмах разных чинов и эпох, которая проводилась в 1890–1895 гг. [*388*].

Характеризуя качество работы составителя ОФОРЧФ можно привести такой пример. В «Регламенте об управлении Адмиралтейством и верфью…» имеется опечатка в ст. 51, где один из заголовков выглядит так «мундир давать морским и адмиралтейским служителям … сержантом, корпоралом, пушкарским, квартирмейстером» [*7, с. 16*]. Очевидно, что в этом предложении между словами «корпоралом» и «пушкарским» поставлена лишняя запятая, а смысл фразы заключается в том, что данные предметы следует выдавать сержантам и капралам морской артиллерии, а также квартирмейстерам. Составитель же ОФОРЧФ приводит эту фразу в такой редакции: «сержантам, капралам, пушкарям, квартирмейстерам» [*225, л. 8–9*], что коренным образом искажает ее смысл. Теперь получается, что престижные «кафтан и штаны из доброго сукна» положены не только унтер-офицерам флота и морской артиллерии, но и рядовым пушкарям. Копируя ст. 51 «Регламента об управлении Адмиралтейством и верфью» Н. А. Коргуев к тому же пропустил указание на выдачу всем категориям флотских нижних чинов двух пар башмаков в год [*225, л. 8–9*].

Н. А. Коргуев в ОФОЧРФ прибегал к крайне небезобидным сокращениям текста документов, уже сокращенных при публикации в МИРФ. Например, в ОФОЧРФ содержится такая выдержка: «16 декабря 1730 г. Кают- и дек-юнгам корабельного и галерного флота сделать к Рождеству

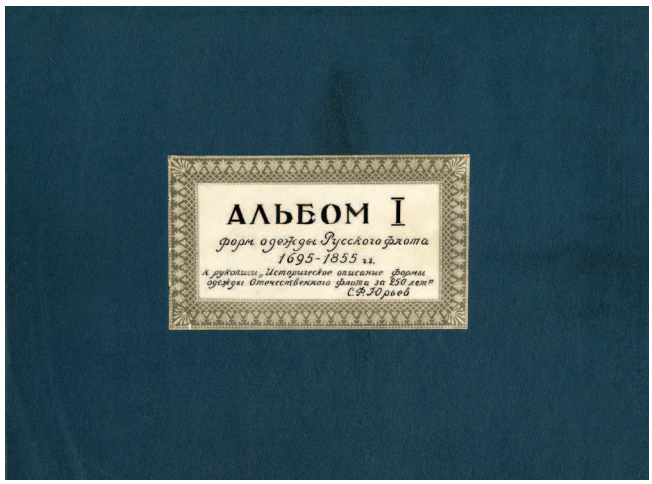

24. Обложка альбома рисунков форм обмундирования чинов русского флота. 1890-е гг. ЦВММ [*419*]
24. Cover of the album of drawings of the uniforms of the Russian Navy, 1890s.

мундир из наличного сукна, кафтаны зеленые, камзолы и штаны – красные» [*226, л. 19–20*]. У читателя складывается впечатление, что пять сотен юнг корабельного и галерного флота должны были получить роскошное (по матросским меркам) обмундирование. В МИРФ же эта выдержка из приговора ГАК приведена полностью: «16 декабря [1730 г.] №8889. По выписке из академической конторы, определенным к обучению нотного пения кают- и дек-юнгам корабельного флота *26,* галерным *12, итого 38 человекам,* сделать по возрастам их к наступающему празднику Рождества Христова мундир из наличного имеющегося в магазинах сукна, а именно: кафтаны зеленые, а камзолы со штанами красные» [*150*].

В 50-х гг. XX в. сотрудник ЦВММ капитан 1-го ранга С. Ф. Юрьев (1895–1958) предпринял попытку создания обобщающего труда по истории военно-морской униформы [*702*]. Он попытался использовать принцип построения знаменитого «Исторического описания одежды и вооружения российских войск», создав две части из рисунков (до- и послереволюционная форма одежды) и третью часть, представлявшую собой выписки из нормативных актов, делопроизводственной переписки, мемуарных свидетельств и публицистики об истории военно-морской формы. Только часть 3 этого труда насчитывает свыше 650 машинописных страниц, но вся творческая лаборатория исследователя осталась «за кадром»: читатель видит с одной стороны источники, а с другой – готовые рисунки-реконструкции или воспроизведение старинных изображений. Почему автор пришел к тем или иным выводам, остается неизвестным. Нельзя не отметить, что источниковая база труда С. Ф. Юрьева далеко не полна. Ему же принадлежит небольшой словарь терминов, относящихся к военному костюму, содержащий как ценные замечания, так и ошибочные суждения [*622*]. К сожалению, эта работа была издана через много лет после написания и прошла практически незамеченной в профессиональной среде. Биографии С. Ф. Юрьева посвящена статья О. К. Бумай и Н. В. Шишковой [*627*].

Единственная публикация, претендующая на систематическое описание истории военно-морской униформы за XVIII – начало XX в., создана капитаном 1-го ранга В. Д. Доценко, во втором издании – совместно с Г. М. Гетманцом [*645; 646*]. Сильной стороной этой публикации являются реконструкции облика военных моряков (автор рисунков А. А. Тронь), которые придают работе необходимую наглядность. Однако в обоих изданиях полностью отсутствует научно-справочный аппарат, что не позволяет считать их научными. К тому же уровень анализа

25. Обложка рукописи С. Ф. Юрьева. 1950-е гг. ЦВММ [*700*]
25. Cover of Sergey Yuriev's manuscript, 1950s.

источников оставляет желать много большего – как правило, автор ограничивается их пересказом или цитированием, причем по публикациям в ОФОЧРФ, МИРФ и ПСЗ, без сверки с подлинниками.

В работы по истории военно-морского костюма их авторы считают необходимым включать более или менее объемные очерки истории флота вообще, что приводит к уклонению от основной задачи. Примером здесь могут служить публикации В. Д. Доценко и Л. А. Малышева. Исследование А. В. Кибовского и О. Г. Леонова о морской пехоте [*655*] также отличается этой особенностью, правда, оно и не является посвященным исключительно истории костюма. Поскольку проблема изучения униформы морской пехоты в значительной степени решена в этом труде, мы сочли нецелесообразным останавливаться на данной теме.

26. Лист из рукописи С. Ф. Юрьева. 1950-е гг. ЦВММ [*700*]
26. A sheet from Sergey Yuriev's manuscript, 1950s.

Проблема снабжения обмундированием чинов русского флота затрагивалась в работах А. В. Ананьина, В. Г. Данченко, и в некоторой степени И. Г. Дурова [*625; 638–643; 647*]. Они вводят в научный оборот неопубликованные источники, снабжают свои публикации научно-справочным аппаратом, однако в силу сравнительно небольшого объема этих публикаций не проясняют многие важные вопросы развития военно-морского костюма. Нами было опубликовано несколько статей, посвященных морскому костюму первой половины XVIII в. [*675–681*].

Фактически до сего дня не создано ни одного монографического исследования по истории отечественного военно-морского костюма (за исключением формы морской пехоты), которое имело хотя бы внешние признаки научности!

Работы исследователей, изучавших форменный костюм русской армии XVIII в., значительно облегчают задачу исследования морского форменного костюма. Среди них работы В. И. Егорова, О. Г. Леонова, С. А. Летина, В. Н. Малышева, Б. В. Мегорского, К. В. Татарникова, И. Э. Ульянова, А. Л. Устьянова и С. И. Шаменкова [*649; 650; 660; 661; 666–670; 673; 690; 691; 693 а; 694–696*].

Категории и чины служащих русского флота первой половины XVIII в.

Личный состав морского ведомства России первой половины XVIII в. может быть разделен на три большие категории – офицеры и чиновники, имевшие классные чины по «Табели о рангах», нижние воинские чины – матросы, солдаты, унтер-офицеры и наконец, мастеровые, работные люди и каторжники, не имевшие чинов по «Табели о рангах», но и не считавшиеся военнослужащими. Кроме того, существовал ряд второстепенных малочисленных категорий служащих морского ведомства, примыкавших к нижним чинам: отставные, малолетние ученики, певчие, лесные надсмотрщики и др.

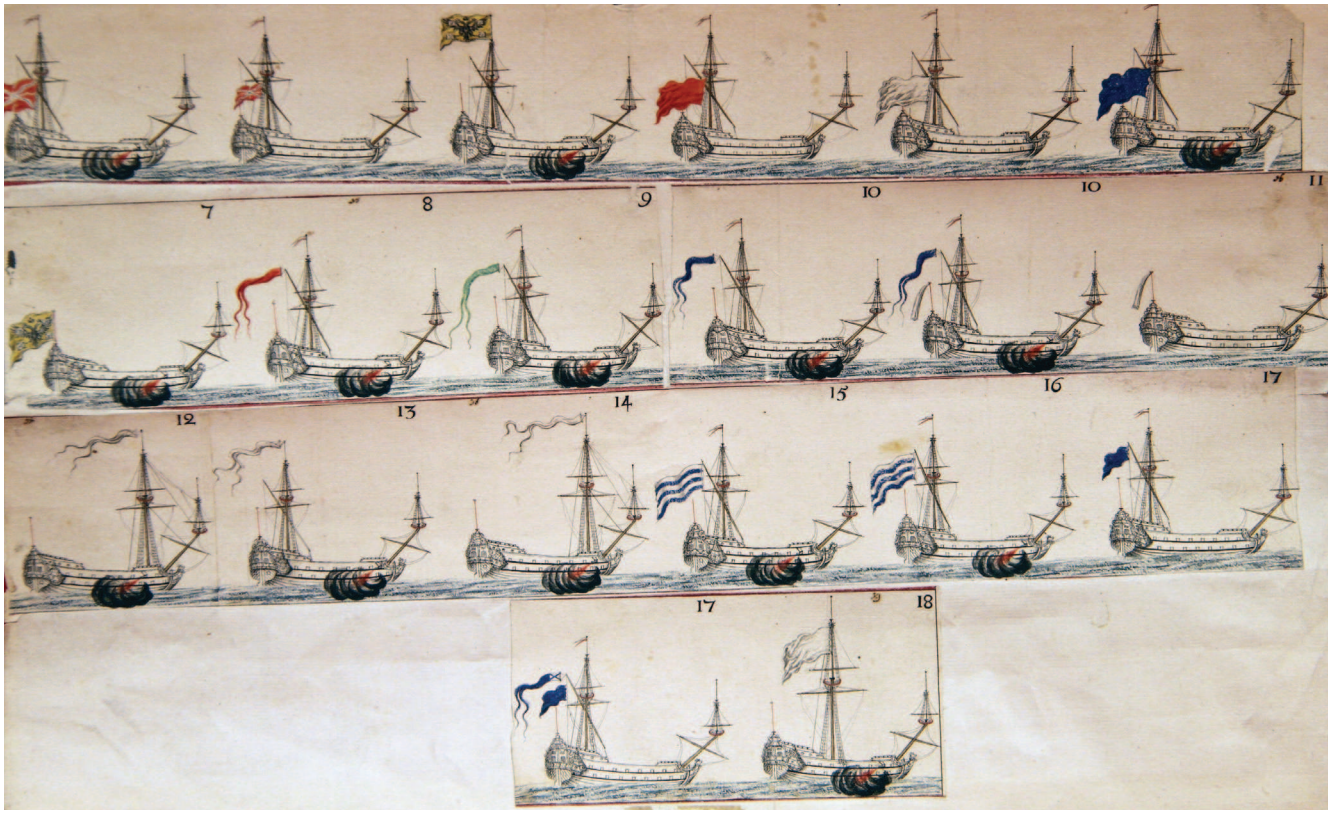
Система офицерских чинов русского флота описывалась неоднократно. Мы можем сослаться здесь на классический очерк – предисловие Ф. Ф. Веселаго к «Общему морскому списку» [*630*], где вопрос об офицерских чинах разобран достаточно подробно. Неофицерские чины флота такого очерка в свое время не удостоились.

Офицерство морского ведомства делилось на несколько групп, которые в XIX в. получили наименование «корпусов». Наиболее важной и уважаемой была группа строевых офицеров флота. В изучаемый период ее могли никак специально не обозначать, поскольку строевые офицеры составляли подавляющее большинство офицерского корпуса морского ведомства. Другая группа – офицеры морской артиллерии, третья – шкипера 1-го и 2-го рангов. Особой категорией были корабельные комиссары. Еще одна группа офицерских чинов была представлена мастерами-судостроителями, имевшими чины по «Табели о рангах». В особую группу выделялись лекари. Карьера каждого офицера, как правило, проходила в рамках одной из этих групп. Штурмана в первой половине XVIII в. считались унтер-офицерами.

Функции строевых офицеров были наиболее универсальны и многообразны [*2; 7; 9*]. Они командовали кораблем и подразделениями его экипажа в походе и в бою. Только строевые офицеры могли достичь адмиральских чинов. К этой группе примыкали генерал-адъютанты и флигель-адъютанты от флота (при монархах), адъютанты при адмиралах. Своеобразие чина корабельного секретаря заключалось в том, что в него могли производиться как строевые офицеры – тогда он был ступенью их дальнейшего производства в чины, так и писари (особенно в первой четверти XVIII в.) – тогда этот чин становился вершиной их карьеры. В 1732–1751 гг. строевых офицеров в этот чин не производили.

Офицеры морской артиллерии отвечали за пушки, огнестрельное оружие, порох, снаряды на корабле. Их карьерный рост был ограничен – самым старшим офицером морской артиллерии на корабле был лейтенант (соответствовал капитану армейской пехоты). Высшим чином для морских артиллеристов был чин обер-цейхмейстера (генерал-майор). Офицеры морской артиллерии имели чины, равные сухопутным артиллерийским, поэтому имели старшинство в один класс по сравнению с армейской пехотой.

Эти две группы офицеров были наиболее почетными, что подчеркивалось обычаем производить в офицеры этих «корпусов» дворян. К ним примыкали офицеры морской пехоты, также рекрутировавшиеся преимущественно из дворян. Прочие категории, хотя формально и числились офи-

27. Система морских сигналов при Петре I. 1-я четв. XVIII в. ЦВММ [*479*]

27. The signal system of Russian Navy under Peter I, first quarter of 18th century.

28. Таблица кормовых и сигнальных флагов. 1720 г. ЦВММ [*478*]

28. The table of ensigns and signal flags, 1720s.

церами, не пользовались тем престижем, что «настоящие» строевые офицеры или офицеры морской артиллерии. Позднее, в «Уставе военного флота» 1797 г., строевые, артиллерийские и «солдатские» офицеры были названы «военнослужащими офицерами», а прочие – «офицерами экономическими и художественными» [*9, гл. 8, ст. 10, 11*]. Заметим, что в 1718 г. Петр Великий «повелел к мастерствам определить из академии учеников, которые на море не бывали и из самых небогатых» [*61*], чем лишний раз подчеркнул высокий статус строевых офицеров и сравнительно низкий – различных мастеров, хотя и имевших офицерские ранги.

Табл. 1. Соответствие чинов по Табели о рангах 1722 г. [*19*] (*Курсивом выделены чины, которые строевые офицеры флота не проходили в обязательном порядке.*)

Класс	Морские			Сухопутные	
	строевые	морской артиллерии	береговые	армейские	гвардейские
1	Генерал-адмирал			Генерал-фельдмаршал	
2	Адмирал			Генерал	
3	Вице-адмирал		Генерал-кригс-комиссар	Генерал-лейтенант	
4	Шаутбенахт (контр-адмирал)	Обер-цейхмейстер		Генерал-майор	Полковник
5	Капитан-командор	Цейхмейстер	Капитан над Кронштадтским портом, обер-сарваер от строения корабельного, интендант, обер-штер-кригс комиссар	Бригадир	Подполковник
6	Капитан 1-го ранга		Капитаны над прочими портами, сарваер корабельный, прокурор, интендант Партикулярной верфи в Петербурге, казначей, обер-провиантмейстер, обер-комиссар	Полковник	Майор
7	Капитан 2-го ранга		Контролер	Подполковник	Капитан
8	Капитан 3-го ранга	Капитан	Корабельный мастер, цалмейстер, обер-фискал	Майор (фактически, два чина – премьер- и секунд-майор)	Капитан-лейтенант
9	Капитан-лейтенант	Капитан-лейтенант	Галерный мастер	Капитан	Лейтенант
10	Лейтенант	Лейтенант		Капитан-лейтенант	Унтер-лейтенант

11	*Корабельный секретарь*	(с 1724 г. – корабельный секретарь 1-го ранга)			
12	Унтер-лейтенант, (с 1724 г. *корабельный секретарь 2-го ранга*), *шкипер 1-го ранга*	Унтер-лейтенант		Лейтенант	Фенрих
13				Унтер-лейтенант	
14	*Корабельный комиссар, шкипер 2-го ранга*	Констапель (с 1727 г.)		Фенрих	
Чины, не включенные в «Табель о рангах»					
	Мичман, *шкипер 3-го ранга, штурман*	Подконстапель			

Система подготовки офицеров русского флота, сложившаяся к концу царствования Петра Великого и просуществовавшая до учреждения Морского кадетского корпуса в 1752 г., включала две стадии. Сначала – обучение в Морской академии, носившее теоретический характер. После более или менее полного окончания курса Морской академии ее ученики переводились в Гардемаринскую роту, которая фактически была частью гвардии, наряду с Преображенским и Семеновским полками. Во время пребывания в роте гардемарины посылались в плавание на кораблях, где проходили практическое обучение. На суше они должны были заниматься различными науками [*631, с.69–70*]. Когда открывалась вакансия, их производили в мичманы. Некоторые будущие офицеры русского флота обучались за границей.

Шкипером именовалось должностное лицо, которое с конца XIX в. будет называться старшим боцманом. Шкипер в XVIII в. отвечал за состояние «шкиперских припасов», т.е. запасного рангоута и такелажа, нагрузку корабля, установку и замену такелажа. Нормальный карьерный путь для шкипера-офицера начинался с матроса, проходил через ступени боцмана, шкипера 3-го ранга (унтер-офицерский чин) и мог закончиться в чине шкипера 1-го ранга (соответствовал поручику армейской пехоты).

Штурманы отвечали за навигационные инструменты, карты, рулевое устройство судна. В описываемый период должности штурманов были только унтер-офицерскими, но штурманы (если они происходили из дворян) могли производиться в строевые офицеры, правда, во вторую очередь после мичманов унтер-офицерского ранга. Такой порядок был установлен еще при Петре и подтвержден в 1751 г. [*199*].

Корабельный комиссар отвечал за продовольствие, обмундирование, денежные суммы, хранившиеся на корабле.

Корабельный мастер или плотник (имевший офицерский ранг в 1732–1751 гг.) должен был отвечать за состояние корпуса корабля, рангоута и помп. Мастера-судостроители составляли обособленную корпорацию в силу того, что им требовалась длительная специальная подготовка. Они имели чины, равные капитану или штаб-офицерам армейской пехоты.

В общем, шкипера, лекари, комиссары, мастера сливались в единую массу «офицеров второго сорта». Лишний раз это обстоятельство подчеркивается отношением

к их мундиру. Если строевые офицеры и морские артиллеристы получают мундир уже в 1735 г., то униформа «офицеров второго сорта» была четко регламентирована лишь во второй половине XVIII в.

Флотские медики формально получили офицерские чины в 1744 г., когда корабельным лекарям был определен «подпоруческий ранг», который сухопутные полковые лекари получили еще в 1728 г. Подлекари должны были остаться без рангов [*29*]. Тем не менее лекари с первых лет существования флота рассматривались как категория, близкая к офицерам. Это подтверждается тем, что в 1735 г. при введении формы для офицеров она была распространена в том числе на лекарей, правда, они должны были делать мундир сами, без помощи казны [*172*].

Вплоть до середины XIX в. должность и чин еще не разделялись так четко, как это имеет место сегодня. Например, в уставах XVIII в. вместо привычного нам термина «командир роты» везде сказано «капитан». При этом подразумевается именно должность командира роты, которую временно может занимать офицер и в другом чине. Как правило, при назначении на вышестоящую должность офицеру жаловался соответствующий чин.

Специфика офицерских чинов флота заключалась в том, что по названиям чины офицеров флота соответствовали обер-офицерским чинам в армии. Другими словами, на флоте не было полковников, подполковников и майоров, а были лишь капитаны и лейтенанты. Мы привыкли, что чин капитана 1-го ранга соответствует полковничьему, но чтобы такая привычка выработалась, потребовался длительный исторический путь. Усложняло ситуацию то обстоятельство, что после введения «Табели о рангах» ряд категорий офицеров российских вооруженных сил получили преимущество («старшинство») на один-два класса перед другими. Старшинство в один класс имели офицеры артиллерии, а в два класса – гвардии. После появления Лейб-компании ее офицеры и солдаты получили старшинство чуть ли не в девять классов перед армией (учитывая, что прапорщик приравнивался к армейскому полковнику, а чин майора в то время уже был разделен на два – премьер- и секунд-майора).

Заметим, что в ряде документов 20–30-х гг. XVIII в. все офицеры флота (кроме адмиралов) именуются «обер-офицерами». Например, один из документов 1723 г. имеет заголовок: «Ведомость, какое число по предложенному регламенту и по приговору за подписанием Адмиралтейской коллегии в российском морском флоте на кораблях, фрегатах и шнявах повелено сдержать обер- и унтер-офицеров и других чинов служителей…» [*268*], а в ней упомянуты офицеры от шаутбенахта до унтер-лейтенанта. Точно также все офицеры от капитана 1-го ранга до унтер-лейтенанта названы «обер-офицерами» в приговоре ГАК о пошиве офицерского мундира в январе 1732 г. [*157*]

Вероятно, современники были склонны считать флотского капитана в принципе равным сухопутному капитану, но, в силу привилегированного положения флота, получившим старшинство в несколько классов. Об этом прямо пишет датский путешественник П. фон Хавен, который заметил, что после реформы чинов флота 1732 г. «флотский лейтенант получает ранг и жалованье премьер-майора, флотский капитан – ранг и жалованье полковника… Таким образом, морские офицеры были повышены [по сравнению с пехотными] на три звания, по образцу гвардии» [*402, с. 16*]. Поэтому в принципе было можно назвать «обер-офицерами» всех офицеров флота от мичмана до капитана, тогда как в категории «штаб-офицеров» чинов не оставалось вообще.

Понятно, что если мы трактуем положение флотских чинов таким образом, то возникает непреодолимое затруднение в интерпретации соответствия чинов капитанов 1, 2 и 3-го рангов, ведь сухопутный чин капитана имел (если смотреть на дело под таким углом зрения) лишь две разновидности – собственно капитана и штабс-капитана.

Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки была береговая организа-

ция флота в 20–50-е гг. XVIII в. Личный состав был разделен на 2 дивизии, каждая из которых состояла из 2 матросских и солдатского полка. Полк состоял из 12 рот. Кроме того, в корабельном флоте числились 4 артиллерийские и штурманская роты. Галерный флот имел сходную организацию – 3 матросские и артиллерийскую роты. Эта организация предвосхищала деление личного состава флота на экипажи, введенное в 1810 г. Большинством рот командовали капитаны полковничьего ранга, в ротах состояло по 3 лейтенанта и 2–3 мичмана. Таким образом, сторонний наблюдатель видел привычную картину: ротой командует капитан, субалтерн-офицеры в ней – лейтенанты. В течение всего XVIII в. лейтенантов флота могли именовать поручиками, а унтер-лейтенантов – подпоручиками, однако мичманов никогда не называли прапорщиками.

Петр Великий установил в 1720 г. 6 офицерских чинов (унтер-лейтенант, лейтенант, капитан-лейтенант, капитан 3, 2 и 1-го рангов). Чин корабельного секретаря мы пропускаем, поскольку эта ступень была необязательной для строевых офицеров. Также исключим из числа офицерских чин командора, поскольку чины 5-го класса по «Табели о рангах» занимали промежуточное положение между штаб-офицерскими и генеральскими (это подчеркивалось и особым общим титулом «ваше высокородие»). Чин мичмана не считался формально офицерским, но если считать еще и его, то офицерских чинов станет 7. Учитывая, что прохождение этого чина было обязательно для производства в офицеры и что мичман исполнял на корабле офицерские обязанности, логично причислять мичманов к офицерам.

В большинстве европейских флотов число сухопутных и морских чинов совпадало, в некоторых случаях число морских чинов было на один меньше, за счет отсутствия эквивалента сухопутному прапорщику (первичный офицерский чин). При этом число морских чинов обычно было равно 6 – 3 штаб-офицерских и 2 или 3 обер-офицерских. Даже в Великобритании, где формально было всего 3 офицерских чина (мичман, лейтенант и капитан), или даже 2, если учитывать, что чин мичмана формально офицерским не считался, существовала внутренняя градация чина капитана (post-captain, captain, commander), причем каждая из них соответствовала конкретному штаб-офицерскому чину (полковник, подполковник, майор) [*416 a, p. 228; 717*]. Таким образом, Петр Великий перенес в Россию европейскую систему морских чинов.

Однако опыт показал неудобство такого порядка чинопроизводства. Как справедливо отметила Воинская морская комиссия 1732 г. (далее – ВМК), в русском флоте «ежели кому все те чины происходить, как по регулам надлежит, то довольное время человеческой жизни на то потребно, понеже при флоте таких частых и многих вакансий не бывает как при сухопутном войске» [*24, с. 31*].

Чтобы сократить количество офицерских чинов, была проведена реформа в 1732 г., после чего их осталось 3 (мичман, лейтенант, капитан). При этом флотские офицеры были повышены в классах – лейтенант стал соответствовать премьер-майору армии, поэтому в документах этот чин именовался обычно «лейтенант майорского ранга». Мичман стал равен поручику, поэтому использовался термин «мичман офицерского ранга». Существовал еще чин мастера в ранге сухопутного капитана, но в этот чин строевые офицеры производились редко, он предназначался для специалистов по судостроению и плотничным работам.

После вступления на престол Елизаветы Петровны эта простая система была уничтожена. «Дщерь Петрова» провозгласила возврат к порядкам времен своего отца и прекратила производство флотских офицеров в чины, поскольку теперь получалось, что они и так имеют слишком высокие классы. Если ранее все 36 капитанов флота были в полковничьем ранге, то при возвращении к петровскому регламенту оставалось 30 капитанов, в том числе лишь 7 капитанов 1-го ранга (полковники), а также 9 – 2-го ранга (подполковники) и 14 –

Табл. 2. Система флотских чинов и их соответствие сухопутным с 1732 г.

	Морские		Сухопутные	
	строевые	морской артиллерии	армейские	гвардейские
1	Генерал-адмирал		Генерал-фельдмаршал	
2	Адмирал		Генерал	
3	Вице-адмирал		Генерал-лейтенант	
4	Шаутбенахт (контр-адмирал)	Обер-цейхмейстер	Генерал-майор	Полковник
5			Бригадир	Подполковник
6	Капитан	Цейхмейстер	Полковник	Премьер-майор Секунд-майор
7		Советник коллегии	Подполковник	Капитан
8	Лейтенант	Капитан	Премьер-майор Секунд-майор	Штабс-капитан
9	*Мастер*	Лейтенант	Капитан	Поручик
10			Штабс-капитан	Подпоручик
11				
12	Мичман, *шкипер*	Унтер-лейтенант	Поручик	Прапорщик
13			Подпоручик	
14	*Корабельный комиссар*	Констапель	Прапорщик	

3-го ранга (майоры). На флоте также имелось 155 лейтенантов майорского ранга. Нужно было дождаться такого положения, когда число лейтенантов майорского ранга уменьшится естественным путем и они займут должности, предназначенные для капитанов 3-го ранга. Это означало резкое сокращение карьерных возможностей для флотских офицеров – большинство их теперь вообще потеряли надежду когда-нибудь выслужиться в штаб-офицеры. Отметим, что флотские лейтенанты практически во всех странах соответствовали сухопутному капитану (исключения были крайне редкими и недолгими), а капитаны соответствовали сухопутным офицерам от майора до полковника. Так что Елизавета не погрешила против европейского опыта, но поломала оригинальную систему, имевшую серьезные преимущества перед заграничными.

В 1748 г. морские офицеры, крайне недовольные попыткой возродить петровскую систему чинов, дошли с жалобой до канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. Канцлер согласился с доводами моряков, был подготовлен проект указа о компромиссной между петровской и «анненской» системе чинов, но Елизавета его не утвердила [*192; 193*].

В 1751 г. офицеры были расписаны по новым (или старым, времен Петра) чинам. Судя по «Общему морскому списку», в эти годы морских офицеров исправно про-

Табл. 3. Флотские чины по проекту 1748 г. [194]

Класс	Морские	Сухопутные
1	Генерал-адмирал	Генерал-фельдмаршал
2	Адмирал	Генерал
3	Вице-адмирал	Генерал-лейтенант
4	Контр-адмирал	Генерал-майор
5	Капитан-командор	Бригадир
6	Капитан	Полковник
7	Капитан-лейтенант	Подполковник
8	Лейтенант	Премьер-майор Секунд-майор
9	Унтер-лейтенант	Капитан
10		Штабс-капитан
11	Корабельный секретарь	
12	Мичман	Поручик
13		Подпоручик
14		Прапорщик

изводили в корабельные секретари, так что офицерских чинов на флоте стало 7. В 1758 г. мичманы были признаны офицерами, и число офицерских чинов на флоте достигло невиданного в Европе числа – 8.

В 1758 г. был издан указ, который подтверждал соответствие чинов капитана 1-го ранга – полковнику, капитана 2 ранга – подполковнику, капитана 3-го ранга – майору, а мичмана – подпоручику. В то же время этот указ гласил: «морские чины в рангах офицерских состоящие, положены против лейб-гвардии одним рангом ниже, а перед армейскими одним же рангом выше… производятся не мешаясь с другими, так особо, яко же в лейб-гвардии и в армии, тако ж в сухопутном артиллерийском и инженерном корпусе произвождение чинится, следственно морские перед армейскими, будучи в рангах превосходнее, по особому своему комплекту и произвождение получить имеют» [*33, с. 239*]. Следовательно, морские офицеры получили этим указом старшинство в один класс против армейских, причем указан точный аналог такого положения – сухопутный артиллерийский и инженерный корпус, который также имел старшинство в один класс перед армейской пехотой и кавалерией. Однако указ 1758 г. не отвечал на вопрос, до какого чина простирается это старшинство. Если проводить параллель с сухопутной артиллерией, то тогда на флоте не оставалось места чину капитан-командора, поскольку капитан 1-го ранга (равный полковнику), будучи на один класс старше пехотного полковника, оказывался равным сухопутному бригадиру (т.е. капитан-командору). В то же время «Общий морской список» упоминает о производстве в чин капитан-командора в 1758–1763 гг. В новой системе оказалось явно перегружено звено обер-офицеров – 5 чинов, вместо 2–3 в европейских флотах. Указ 1758 г. упоминает лишь о строевых офицерах, следовательно, шкипера, штурмана и прочие остались в тех классах, в которые их определил Петр I.

В XVIII в. не существовало четко определенного порядка именований категорий нижних чинов. Ко второй половине века стало общепринятым разделять командный состав из нижних чинов на две группы, которые (в сухопутной армии) именовались капралами и унтер-офицерами (к последним относили сержантов, подпрапорщиков, фурьеров и каптенармусов). На флоте в принципе существовало такое же деление. Различия этих двух

Табл. 4. Система флотских чинов и их соответствие сухопутным с 1758 г.

Класс	Морские		Сухопутные		
	строевые	морской артиллерии	армейские	гвардейские	лейб-кампания
1	Генерал-адмирал		Генерал-фельдмаршал		
2	Адмирал		Генерал		Капитан-поручик
3	Вице-адмирал		Генерал-лейтенант		Поручик
4	Контр-адмирал	Обер-цейхмейстер	Генерал-майор	Полковник	Подпоручик
5	Капитан-командор Капитан 1-го ранга	Цейхмейстер	Бригадир	Подполковник	Адъютант
6	Капитан 2-го ранга		Полковник	Премьер-майор Секунд-майор	Прапорщик
7	Капитан 3-го ранга		Подполковник	Капитан	Сержант
8	Капитан-лейтенант	Капитан	Премьер-майор Секунд-майор	Капитан-поручик	Вице-сержант, подпрапорщик, квартирмейстер
9	Лейтенант	Капитан-лейтенант, фейерверкер	Капитан	Поручик	Капрал
10	Корабельный секретарь	Лейтенант, цейхвахтер	Капитан-поручик	Подпоручик	Вице-капрал
11	Унтер-лейтенант				
12	Мичман, шкипер 1 ранга	Унтер-лейтенант	Поручик	Прапорщик	Гренадер
13			Подпоручик		
14	Корабельный комиссар, шкипер 2 ранга	Констапель	Прапорщик		

групп подчеркивались в униформе. В то же время, в документах предпочитали перечислять конкретные чины-должности, для того, чтобы не возникло малейшей неясности. В то же время унтер-офицерами могли именовать весь низший командный состав, включая под одну скобку, например, капралов и сержантов морской артиллерии. Так, в одном из документов обозначено количество сукна для мундиров «артиллерийских унтер-офицеров», под которыми подразумеваются как капралы, так и сержанты, поскольку и те и другие носили суконные кафтаны, в отличие от канониров 1-й и 2-й статьи, носивших матросское обмундирование из канифаса [*335, л. 7–8 об.*].

Поэтому мы будем придерживаться современного принципа именования начальствующих лиц из нижних чинов унтер-офицерами, разделяя, когда это потребуется, младших унтер-офицеров (квартирмейстеров, баталеров, капралов) и старших (начиная от боцманмата и выше).

В XVIII в. на флоте не было непроходимой грани между офицерами и нижними чинами. Существовала довольно многочисленная группа **старших унтер-офицеров,** занимавших привилегированное положение, которые могли производиться в офицеры. К ним относились шкиперы 3-го ранга, штурманы, подштурманы, боцманы, шхиманы, боцманматы, шхиманматы. Старший унтер-офицер, «когда что ему приказано будет управлять на корабле, то он не повинен сам ни за что приняться, но токмо смотреть над матросами, дабы незнающего мог научить, а ленивого нака-

Табл. 5. Звания, в которые производились долговременно служащие нижние чины при отставке [*183*].

Звания на службе	Для дворян	Для недворян
Флотские		
Подшкипер	Поручик	
Писарь	Прапорщик	Не указано
Боцман	Поручик	Шкипер (равен поручику или прапорщику)
Боцманмат	Боцманмат	
Квартирмейстер	Прапорщик	Боцман
Матрос 1-й статьи, купор или конопатчик из матросов 1-й статьи	Боцманмат	
Матрос 2-й статьи, унтер-купор, повар	Квартирмейстер	
Морской пехоты		
Сержант от солдат	Прапорщик	
Каптенармус	Прапорщик	Сержант
Гефрейт-капрал	Сержант	
Писарь	Сержант	
Солдат	Капрал	

зать» [*2, с. 80*]. Такое понимание обязанностей старших унтер-офицеров позволяло им носить немецкое платье, которое было бы неудобно при «работах» собственными руками.

Сержанты морской артиллерии и морской пехоты занимали в целом более низкое положение, чем старшие унтер-офицеры флота, что подчеркивалось их существенно меньшим жалованьем. В частности, в середине XVIII в, шкипер 3-го ранга получал в год 120 руб., штурман – 108 руб., боцман, подштурман или подшкипер – по 60 руб., боцманмат или писарь – по 36 руб., квартирмейстер или баталер – по 24 руб. В то же время сержант морской артиллерии получал столько же, сколько квартирмейстер, а сержант морской пехоты – всего 15 руб. 12 коп. в год, т. е. меньше матроса 1-й статьи (18 руб. в год) [*254, л. 29*]. Численность старших унтер-офицеров была сравнительно невелика – по штату 1732 г. их полагалось 736 человек, тогда как, например, матросов 1 и 2-й статьи – 7701 человек [*249*].

Количество взрослых дворян вплоть до середины XVIII в. превышало число штатных должностей в армии, на флоте и в гражданском государственном аппарате, поэтому многие дворяне долго служили в нижних чинах и даже выходили в отставку, так и не дослужившись до офицера. По определению Сената 1743 г. было решено при отставке повышать нижних чинов в общем на два класса, но детали могли зависеть от происхождения отставника. Согласно приговору ГАК «О награждении рангами отставных», недворяне получали офицерские чины при отставке только под условием, что не будут «кормиться работою или иным образом, которое чести обер-офицерской несходно и вредительно» [*183*].

Сложность изучению системы званий нижних чинов придает то обстоятельство, что они не были включены в «Табель о рангах», поэтому отсутствовал универсальный измеритель их статуса в виде класса по «Табели…» Если сопоставлять знаки различия, то можно построить одну систему соответствия сухопутных и морских нижних чинов. Если же отталкиваться от положенного им жалованья, то

Табл. 6. Звания нижних чинов флота 1-й половины XVIII в. (примерная реконструкция соответствия)

Строевые	Штурманские	Морская артиллерия	Морской пехоты	Флотские музыканты
Шкипер 3-го ранга	Штурман	Подконстапель		
Боцман, подшкипер, шхиман	Подштурман	Сержант	Сержант	Трубач, гобоист, литаврщик 1-го класса
Боцманмат, шхиманмат			Каптенармус, подпрапорщик, гефрейт-капрал, фурьер	Трубач, гобоист, литаврщик 2-го класса
Квартирмейстер, баталер	Штурманский ученик	Капрал, бомбардир	Писарь, капрал, полковой барабанщик	Трубач, гобоист 3-го класса
Матрос 1-1 статьи, унтер-баталер		Канонир 1-й статьи		
Матрос 2-й статьи		Канонир 2-й статьи	Солдат, барабанщик, флейтщик	
Кают-юнга, дек-юнга				

система получится другая. В обобщенном виде систему званий нижних чинов флота в XVIII в. можно представить в виде таблицы 6.

Низшей группой командного состава флота были **квартирмейстеры и баталеры.** Квартирмейстеры должны были командовать наименьшими подразделениями экипажа корабля, руководить небольшими группами матросов при работах, отвечать за шлюпку, за участок палубы корабля или группу снастей, следить за внешним видом матросов. Они непосредственно участвовали в корабельных работах: «должны собою образ казать, чтоб матросы с прилежностью работали» [*2, с. 85*]. Поэтому костюм квартирмейстеров должен был соответствовать требованиям удобства и не мог полностью повторять покрой немецкого платья – широкие обшлага могли быть затянуты в блок, а длинные полы и многочисленные складки на боках ниже талии должны были мешать лазать по вантам.

Рядовые матросы делились первоначально на три статьи, выдерживалось соотношение: 1-я статья – ¼ русских матросов и все иностранные, 2-я статья – ¼ русских матросов, 3-я статья – ½ русских матросов [*92*]. В декабре 1720 г. 3-я статья была упразднена и установлено соотношение: 1-я статья – ⅓ матросов, 2-я статья – ⅔ [*62*]. Матросы 1-й статьи были наиболее старыми и опытными. Канониры делились на статьи, как и матросы.

Следует отметить, что служба в матросах была достаточно привлекательна. Так, в марте 1721 г. был издан указ о наборе добровольцами на флот «всяких чинов людей, кроме шведского народа», допускался прием даже крепостных, которые пришли «не учиня какого воровства и обид оным помещикам и вотчинникам» [*63*]. Указ вызвал большой наплыв желающих, в том числе даже солдат, которые иногда бежали «с часов с ружьем и с мундиром» [*64 а*].

В морском ведомстве состояло множество специалистов, именовавшихся по их профессиям: трубачи, плотники, купоры (бочары), конопатчики, парусники, слесаря, повара, профосы и др. Представители почти каждой специальности распределялись

на категории, соответствовавшие квартирмейстерам, матросам 1 или 2-й статьи, в зависимости от опытности.

Низшую категорию рядового состава представляли юнги, делившиеся на две группы – дек-юнги (постарше, исполнявшие обязанности матросов) и кают-юнги (помладше, которых использовали как офицерскую прислугу).

Мастеровые делились по специальностям и «окладам», т. е. величине жалованья, зависевшей от их квалификации. Низшей категорией мастеровых являлись «работные люди», не имевшие квалификации. К этой категории примыкали военнопленные и «каторжные невольники», использовавшиеся для нужд морского ведомства.

Общие замечания о морском костюме

Регулярные флоты в Европе появились во второй половине XVII в. незадолго до основания русского военного флота. Ранее существовало морское ополчение из вооруженных торговых судов, которое было возможно только в силу существования развитого торгового мореплавания в европейских морских державах.

Задача укомплектования флота матросами в Великобритании, Голландии, Франции, Испании решалась примерно так же, как в России – задача комплектования казачьих частей. В России XVIII в. никому не приходило в голову регламентировать способы боевых действий или боевой подготовки казаков, их вооружение, конское снаряжение и костюм. Государство считало себя выполнившим все обязательства перед казаками, если выдавало им жалованье хлебом, порохом, деньгами и сукном. Точно так же европейские матросы торгового флота попадали на военный флот уже в «готовом виде». Власти платили им жалованье, снабжали продовольствием на время плавания, боеприпасами и вооружением. Необходимость во введении единообразного костюма для моряков отсутствовала. Не имели униформы и морские офицеры. Надо отметить, что и в сухопутных армиях Европы регламентация внешнего вида военнослужащих началась лишь во второй половине XVII в., а нормой стала в конце 20-х гг. XVIII в.

29. Грассе Сен-Север Ж.; Дере К.-Л.; Миксель Ф. Голландский матрос. Восходит к нач. XVIII в. [*511*].
29. Jaccques Grasset Saint-Sauveur, Claude-Louis Desrais, Felix Mixelle, *A Dutch Sailor, copied from the original of the early 18th century*

В мирное время матросы, как правило, добровольно вступали в военный флот. Служба на военном флоте имела ряд преимуществ перед торговым – например, жалованье выплачивалось регулярно. Размер жалованьяустанавливался близким к расценкам труда матросов на торговых судах. На военном корабле молодой матрос мог получить опыт обращения со сложным такелажем и закалку, которые делали его потом ценным и желанным приобретением для шкиперов торговых судов [*717*].

Во время войны всем морским державам приходилось прибегать к тем или

30. Грассе Сен-Север Ж.; Дере К.-Л.; Миксель Ф. Итальянский матрос. Восходит к нач. XVIII в. [*511*].
30. Jaccques Grasset Saint-Sauveur, Claude-Louis Desrais, Felix Mixelle, *An Italian Sailor, copied from the original of the early 18th century*

31. Грассе Сен-Север Ж.; Дере К.-Л.; Миксель Ф. Матрос из Фрисландии. Восходит к нач. XVIII в. [*511*]
31. Jaccques Grasset Saint-Sauveur, Claude-Louis Desrais, Felix Mixelle, *A Sailor from Friesland, copied from the original of the early 18th century*

иным формам принудительного укомплектования флота. Классической организацией воинской повинности моряков и рыбаков стала французская морская запись, введенная в 70-е гг. XVII в. Согласно этому порядку, французы, «жившие морем» или обитавшие на морском побережье или в устьях рек, до тех мест, куда доходил прилив, могли записаться в особые списки. Они освобождались от рекрутской повинности и некоторых налогов, имели право на небольшую пенсию в старости, но могли быть призваны на флот по мере надобности. Подобная повинность существовала и в Испании. В Великобритании введению воинской повинности для моряков мешали традиции и «свободы» – организованный набор в вооруженные силы справедливо рассматривался как атрибут абсолютистского государства. В качестве альтернативы появился «пресс» – право насильственной вербовки, которая была значительно тяжелее для населения, чем «морская запись» из-за своей неупорядоченности.

Регламентировать одежду матросов мешало то, что производственный костюм матроса резко отличался от принятого в светском обществе и сухопутной армии наряда. С одной стороны, было понятно, что одеть матроса в длинополый кафтан и треугольную шляпу невозможно – как же он будет лазить на мачту? – а с другой стороны, регламентировать (т. е. официально признать!) явно простонародный матросский костюм тоже было нельзя.

Мешали и психологические причины. Европейский матрос четко отделял себя от солдата, считая себя, в отличие от него, свободным человеком, владеющим сложным ремеслом. К этой мысли его приводил достаточно высокий уровень оплаты матросского труда на торговом и военном флотах.

К концу XVII в. в европейских флотах складываются два резко различающихся

32. НХ. Голландский матрос или шкипер. Восходит к нач. XVIII в. [*533*].
32. UA, *A Dutch Sailor or Skipper, copied from the original of the early 18th century.*

33. Дюсарт К. Сладкая парочка. Ок. 1695 г. ЧК [*517*].
33. Cornelis Dusart, *Birds of a feather flock together, circa 1695*

34. Дюсарт К. Голландский матрос, ходивший в Ост-Индию. Ок. 1695 г. *Чк* [*518*].
34. Cornelis Dusart, *A Dutch Sailor, who has returned from East Indies, circa 1695*

типа костюма: один из них, аналогичный форме сухопутной армии, носят морские пехотинцы, морские артиллеристы, офицеры и старшие унтер-офицеры (боцманы, шкиперы) флота, другой – производственный морской костюм, – носят матросы и младшие унтер-офицеры флота (квартирмейстеры). Производственный костюм европейских моряков оказался регламентирован только к середине XIX в., причем в нем начали сознательно культивировать отличия от сухопутной формы – просторная рубаха и расстегнутая на груди короткая куртка вместо застегнутого на все пуговицы обтягивающего грудь мундира, шляпа или матросская шапочка вместо кивера или кепи и т. д.

В силу описанных причин в европейских флотах униформа вводится сначала для тех, кто не был матросом. Прежде всего это касается морской пехоты, которая обычно являлась частью сухопутной ар-

Табл. 7. Этапы регламентации офицерского морского костюма [*704, s. 17-24; 705, p. 6, 28–31; 706, p. 154; 708, p. 261–289; 709, p. 46–47, 88–92; 710, p. 88–92; 715; 721, p. 2-3; 722, s. 17*]
(Дата в скобках – неудачная попытка введения. Через косую черту – дата издания регламента / дата начала обязательного ношения)

Костюм	Россия	Великобритания	Франция	Португалия	Нидерланды	Испания	Швеция	США	Дания
Частично регламентированный, без знаков различия			1667		1752/1755	1714	30-е гг.[1]		1722
Более детально регламентированный, с различиями между категориями офицеров				20-е гг.[2]		1730			1746/ 1749
Регламентированный парадный мундир со знаками различия по чинам	**(1732)1735 1745**	**1748/1751**	**1756**	**1761**	**1766**	**1769**	**1778**	**(1776) 1797**	**1801**
Регламентированный вицмундир, без знаков различия	1746		1756		1752/1755	1751			1752
Регламентированный вицмундир со знаками различия по чинам	Кон. 40-х гг.[3] 1764	**1748/1751**	1764	1806	1766	1769	1788	1797	1801

[1] Не регламентированный официально костюм, подражающий сухопутной гвардии.
[2] Форма Морского пехотного полка, которая полуофициально носилась и морскими офицерами.
[3] Не регламентирован, но фактически носился.

мии, откомандированной на корабли. Комплектование морской пехоты происходило так же, как сухопутной, поэтому необходимость выдачи ее солдатам униформы была очевидна. Ее форма развивалась целиком и полностью в рамках сухопутной традиции. Иногда морские пехотинцы получали кое-какие отличия, наподобие особого цвета приборного сукна, но и только.

Затем появляется форма для морской артиллерии, организованной по тому же принципу, что и сухопутная артиллерия – ее личный состав был сведен в полки, батальоны, роты, расписан по кораблям или арсеналам. Понятно, что и морская артиллерия получает форму в целом аналогичную сухопутной.

Собственно флотское офицерство (не морской пехоты или морской артиллерии) долгое время не имело установленной формы вообще. Английский писатель Т. Смоллет саркастически описывает щегольский тропический костюм капитана британского военного корабля рубежа 30-40-х гг. XVIII в.: «белая шляпа, украшенная красным плюмажем, украшала его голову, с которой ниспадали локонами на плечи волосы, перевязанные сзади лентой. Его розовый шелковый кафтан на белой подкладке благодаря элегантному покрою расходился в стороны, не скрывая белого атласного камзола, расшитого золотом и лишенного пуговиц в верхней части бортов, дабы видна была гранатовая брошь, блиставшая на груди рубашки из тончайшего батиста, обшитой настоящими брабантскими кружевами. Штаны из алого бархата едва доходили до колен, позволяя видеть шелковые чулки, обтягивавшие без единой складочки или морщинки его тощие ноги, обутые в башмаки из голубого сафьяна, украшенные бриллиантовыми пряжками, сверканьем соперничавшими с солнцем. Сбоку висела шпага, стальной эфес которой был инкрустирован золотом и украшен темляком из ленты, ниспадавшим пышной кистью, а к запястью была подвешена трость с янтарным набалдашником. Но самыми примечательными принадлежностями его костюма были маска на лице и белые перчатки на руках, которые как будто не предназначались для того, чтобы их по временам снимать, но были закреплены диковинными кольцами на мизинцах обеих рук» [*416 б, p. 223*]. Возможно, прототипом персонажа Смоллета был баронет У. Бернаби (1710–1776), впоследствии вице-адмирал, который в 1741 г. явился представляться адмиралу Э. Вернону (1684–1757) в настолько вычурном бархатном кафтане, расшитом золотом, что прямодушный адмирал назвал его учителем танцев [*713, p. 106*].

35. Гревенбройк Я. Венецианский корабельный бомбардир. Восходит к нач. XVIII в. СМ [*512*]
35. Johann van Grevenbroeck (Giovanni Grevembroch), *A Venetian Naval Bombardier, copied from the original of the early 18th century*

36. Бакхёйзен Л. Прибытие в Амстердам фрегата «Де-Плуг». 1708 г. RM [*506, фрагм.*]
36. Ludolf Backhuysen, *Arrival of the frigate "De Ploeg" in Amsterdam, 1708. Fragment*

Это не означает, что не существовало военного костюма – современники могли по одежде отличить военного от штатского. В комедии Д. Фаркера «Офицер-вербовщик», написанной в 1706 г., есть сцена, в которой героиня, переодетая в мужской костюм, так говорит о себе: «Меня называют капитаном, сэр, владельцы кофеен, официанты, шлюхи и содержатели игорных заведений в Лондоне, потому что я ношу красный кафтан, шпагу, шляпу с подвернутыми полями [по французской моде], скрученный по-военному галстук, парик с крутым бантом, трость [пристегиваю] на пуговице» [*417, p. 56*]. Заметим, что в позднейших изданиях в пьесу вносились многочисленные изменения, с целью сделать ее менее фривольной и приблизить характеристику костюма персонажей к эпохе издания, поэтому этой фразы в них может не быть.

Форма морских офицеров полностью копировала сухопутную по покрою. Первоначально в ряде стран Европы был регламентирован цвет (иногда и отдельные

37. Ванмур Ж.-Б. (мастерская). Албанский (турецкий) матрос. Последняя треть XVIII в. [*543*]
37. Jean Baptiste Vanmour, *An Albanian (Turkish) Sailor, latter third of 18th century.*

38. Вайгель К. Адмирал. 1698 г. [*546*]
38. Christoph Weigel, *An Admiral, 1698*

элементы отделки) кафтана морских офицеров, что не позволяет считать этот костюм униформой. В то же время чин можно было определить по косвенным признакам – по более или менее пышной отделке костюма, по наличию орденской ленты.

На втором этапе вводится более-менее регламентированный костюм со знаками различия по чинам. Как правило, он был слишком дорогим, и его старались носить только в торжественных случаях. Поэтому одновременно или несколько позже вводился вицмундир со скромной отделкой или без отделки, который становился основным повседневным костюмом офицера. Если введение вицмундира запаздывало, офицеры в повседневной жизни продолжали носить нерегламентированный костюм или удешевленный вариант парадного мундира, изобретенный самостоятельно. Только после введения вицмундира униформа становится единственной одеждой флотского офицера, что, впрочем, не мешает отступать от регламента в деталях.

Повторим, что в XVIII в. в Западной Европе вообще не шла речь о введении единообразного обмундирования для матросов. Исключением были лишь Дания (где матросы получили полноценную форму еще в

39. Вайгель К. Английский адмирал. 1703 г. [*547*]
39. Christoph Weigel, *An English Admiral, 1703*

40. Неллер (Кнеллер) Г. Контр-адмирал Т. Дилкс (1667–1707). Кон. XVII – нач. XVIII в. NMM. [*521*]
40. Godfrey Kneller, *Vice Admiral Sir Thomas Dilkes, 1667–1707, late 17th – early 18th century*

1722 г.) и Швеция (1778 г.) [*704, s. 137–140; 711 б*]. Во Франции первые попытки ввести ее предпринял Наполеон в 1808 г. для нахождения на берегу в составе батальонов-экипажей [*707 б, p. 33*]. В Великобритании циркуляр, с «ясными и определенными инструкциями об униформе, положенной всем категориям матросов» был издан лишь 30 января 1857 г. [*716*].

Русский флот оказался в своеобразном положении – это был единственный в мире военный парусный флот, созданный исключительно усилием государственной власти, почти без всякой базы в виде торгового или рыболовного. Разумеется, люди, знакомые с морем, в России были. Более того, значительная часть русских матросов в первой половине XVIII в. набирались из архангельских и вологодских жителей, знакомых с морем или с большими реками. В 1739 г. принцип распределения рекрутов на флоте был таким: «бывалых на морях и на реках в рыбных и прочих промыслах, по способности их к морской службе, писать всех в матросы, а прочих, не бывалых в тех промыслах, определить: великорослых и здоровых в солдаты и в канониры, а которые не великорослые, точию молоды – в матросы ж» [*178*]. В любом случае, эти люди не были знакомы с большими парусными кораблями. Кроме того, как на Азовском море, так и на Балтике флот при Петре I создавался с нуля в смысле полного отсутствия инфраструктуры.

Для Русского государства принципиальная разница между матросом и солдатом отсутствовала. И те, и другие набирались по рекрутской повинности, были обязаны пожизненной службой, имели право на получение различных видов жалованья. Для абсолютистского полицейского государства, которое стремилось упорядочить все и вся, тем более несущественной представлялась разница между солдатом и матросом, которые в равной степени были царскими слугами. При необходимости на пополнение флота обращались пехотные полки (как это было во время Русско-шведской войны 1741–1743 гг.).

С другой стороны, русский матрос воспринимал себя как царского слугу и не

41. Вайгель К. Матрос. 1698 г. [*546*]
41. Christoph Weigel, *A Sailor, 1698*

сопротивлялся, когда его пытались учить «солдатской экзерциции». Еще в 1723 г. Петр Великий распорядился организовать сухопутную «экзерцицию» моряков в зимнее время, и такие занятия были организованы с привлечением офицеров сухопутной армии [*267*].

Поэтому снабжение матросов обмундированием в России вытекало из того принципа, что и солдаты сухопутной армии снабжались «мундиром». Точно так же матросы снабжались сухопутным провиантом наравне с солдатами и лишь в плавании получали особую «морскую провизию». Примеры подобной практики были и в Европе, но то были единичные исключения. 9 ноября 1688 г. датский король Кристиан V распорядился выдавать кадровым нижним чинам флота (составлявшим ⅓ численности моряков в военное время) по одному комплекту одежды из сукна раз в два года и по одному комплекту одежды из парусины раз в год. В 1722 г. были введены полноценные нормы выдачи мундира, согласно которым 4585 датских моряков должны были получать раз в три года серый суконный кафтан с 8 большими и 28 малыми медными пуговицами, с обшлагами и лацканами цветом по дивизии, суконные штаны, картуз с суконной подкладкой и вензелем ко-

42. Гревенбройк Я. Капитан корабля Венецианской республики. СМ [*514*]. Восходит к нач. XVIII в.
42. Johann van Grevenbroeck (Giovanni Grevembroch), *A Captain of the ship of Venetian Republic, copied from the original of the early 18th century*

роля, красные шерстяные чулки. Ежегодно выдавали куртку из парусины с 16 пуговицами и парусиновые штаны. В те годы, когда матросы не получали красные чулки, им выдавали простые («фарерские»). Обувь матросы должны были покупать сами. С 1725 г. красные чулки заменили на синие. В какой-то момент между 1722 и 1739 гг. им стали выдавать не серое, а коричневое сукно для пошива кафтана. Наконец в 1752 г. цвет кафтана был изменен на синий. Тогда же было решено выдавать комплект суконного обмундирования раз в два года, а не в три [*704, s. 137–141*]. Сохранились рисунки французского современника, изображающие датских матросов в такой форме [*529*]. Командование датского флота осознавало, что матросы носят суконные кафтаны только на берегу, а на кораблях остаются в парусиновой одежде, что приводит к болезням и недовольству. Эти нормы распространялись только на кадровых матросов, а призванные на время войны обмундирования не получали [*704, s. 137–141*].

43. НХ. Портрет морского офицера, возможно И. Таунсенда (1685–1765). 1-я четв. XVIII в. NMM. [*539*]
43. UA, *Portrait of a Naval Officer, possibly Isaac Townsend, 1685–1765, first quarter of 18th century.*

Благодаря иллюстрированному рукописному трактату, созданному между 1719 и 1756 гг., известен гардероб испанского матроса того времени. В него входили: полотняные рубахи (белые или белые в синюю вертикальную полоску), широкие полотняные штаны до колена в синюю вертикальную полоску, сравнительно узкие суконные кюлоты, короткий двубортный суконный жилет без рукавов белого или красного цвета (chamarreta), широкая коричневая суконная куртка длиной до середины бедра, с капюшоном (capotillo), квадратный шелковый платок, который складывался по диагонали и повязывался на шею, галстук-ошейник с пряжкой, синие шерстяные чулки, башмаки с пряжками, высокие сапоги, шляпа с полями, суконный картуз (bonnet) или вязаная шапочка и кушак. В матросское снаряжение также входили нож, гребень для волос, ложка, чарка, трубка и табакерка [*523, p. 103*].